

НА СУШЕ НА МОРЕ

5

1937

О ГИЗ ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ

НА СУШЕ НА МОРЕ

Чижовой В. (Новороссийск)

НАША КОНСУЛЬТАЦИЯ

Ваша самостоятельная группа представляет собой исключительное явление даже среди самых заядлых туристов. Ни один консультант не решился бы утвердить пешеходный маршрут Красная Поляна — озеро Рица для мальчиков 8 и 9 лет. И все же они его прошли, и прошли не только без вреда, но, повидимому, и с пользой для здоровья. Туристский стаж ваших сыновей в сочетании с вашим внимательным наблюдением заставляет отбросить обычные критерии при рекомендации маршрута для таких юных туристов.

Поэтому переход с Военно-сухумской дороги в Сванетию можно считать для вашей группы приемлемым. Этот путь, проходящий по глухим местам Абхазии, совершенно не описан в литературе и почти неизвестен туристам. Насколько известно, он еще не был пройден в направлении с юга на север. Поэтому описание пути должно быть одной из основных целей вашего путешествия.

Автобусы по Военно-сухумской дороге доходят до сел. Цебельды. Дальше начинается пеший путь. Он составляет в общей сложности около 155 км и делится на три этапа: 1) 65 км — по В.-сухумской дороге; 2) 50 км — по тропам в направлении на восток, через два луговых перевала Хида (2830 м) и Утвир (2920 м) до реки Накры; 3) 36 км — по Верхней Сванетии, от р. Накры до Местии. Возвращение из Местии на самолете возможно, но следует иметь в виду большой спрос на этот вид транспорта и ограниченность пассажирских мест. Во всяком случае вы сможете воспользоваться автобусами, которые ходят по новому шоссе до Зугдиди.

Первый этап составляют два дневных перехода с ночевками в селениях Ажары и Латы (в обоих имеются дома туриста) и далее — 10 км до с. Генцвиш, откуда нужно свернуть в ущелье реки Секен. Вся дорога сложнейшей не представляется. Ее описание вы найдете в книге Лисовского «Военно-сухумская дорога» (Фит, 1936 г.).

Второй этап обязательно пройти с проводником, так как дорога пуганная, глухая и легко сбиться. Советуем также взять вычюнную лошадь, чтобы нагрузить некоторые запасы продовольствия, так как до Сванетии вам встретятся только коши на лугах близ перевалов и сванские селения около реки Ненскрыры. Путь

хорошо виден на пятиверстной карте Кавказа, лист Г5. Он начинается в глухом вековом лесу, поражающем своею девственной мощью (некоторые деревья достигают 65 м высоты). Километров через 10 тропа отходит от реки. Вскоре начинаются альпийские луга и подъем на перевал Хида.

Спускаясь, держите путь к реке Тетнашере. Тропа вдоль нее приведет к единственному мосту на р. Ненскрыре, протекающей в настоящих диких лесных дебрях. Здесь опасно сбиться с дороги, так как маршрут вдоль Ненскрыры очень сложен.

Близ моста расположены два большие селения — В. и Н. Марх; в Н. Мархе есть столовая и два кооператива. Здесь находится также лесозаготовительный пункт.

Почти сразу за мостом тропа поворачивает на север и вьется крутыми зигзагами вверх, параллельно Ненскрыре, но высоко над ней. Следите за своею тропой, не отклоняясь на дорогу для вывоза леса.

По мере того, как тропа забирает все выше, она становится шире, суше и мягче и вновь выходит на луга. Это — подступы к перевалу Утвир. Перевальная точка отмечена двумя большими камнями, напоминающими человеческие фигуры. Спуск с перевала — длинный, но некрутой и совершенно ясный — приводит к р. Утвир. Затем вновь начинается подъем в сырватом лесу, и, наконец, вы приходите к мосту на р. Накре.

Третий этап маршрута не нуждается в описании. Путь пойдет по густо заселенным районам Сванетии. Заканчивая путешествие, отдохните в Местии, в доме туриста.

Свечину А. (Уральск)

Большой Инзер — река с ярким выраженным горным характером, поэтому она встречает туриста рядом более или менее труднопроходимых препятствий. В основном — это перекаты и камни. Перекаты очень часты (в среднем через каждые 400—500 м) и имеют иногда падение до полуметра на протяжении 5—8—10 метров. В верхней части реки громадное большинство их непронормировано из-за мелководья; приходится аккуратно проводить судно без пассажиров. Камни, загромождающие русло, а также берега реки на большом протяжении требуют неослаб-

ного внимания, так как зачастую скрывают острые края под водою и при быстром течении могут остаться незамеченными. Поэтому плавание по Б. Инзеру доступно только тем группам, которые прошли уже хотя бы два водных маршрута.

Искусственных препятствий на реке пять, но все легко обносимы. Всякие мостки и паромы, все без исключения можно пройти, не обнося байдарки.

В верхней своей части Инзер протекает по узкой долине (не шире 500 м) с подступающими с двух сторон крутыми склонами диких гор. Ширина реки колеблется здесь от 6 до 70 м. Русло загромождено камнями. Берега лесисты, встречаются обнаженные осыпи и стенки, порою подступающие к самой воде. В лесах много ягод, в реке — рыбы; хороша охота на уток, особенно на крохалей.

Начинать маршрут можно от двух пунктов; к обоим следует подъехать по узкоколейной дороге Белорецкого металлургического завода, идущей от ст. Запрудовка Самаро-Златоустовской дороги.

Если начинать путешествие от разъезда Карташ в 72 км от Белорецка, то по Инзеру придется проплыть 262 км, затем 9 км по реке Симу и 77 км по р. Белой до г. Уфы. По второму варианту маршрут начинается от Инзерского завода, т. е. на 118 км ниже

по реке. Тогда общий километраж соответственно сократится, а в остальном маршрут пройдет по тем же местам, как и первый вариант.

Плавание по Б. Инзеру на участке Карташ — Инзерский завод можно рекомендовать только особым любителям, которые не побоятся пройти десятка три километров пешком по острым камням рядом со своим суденышком. На этом участке сосредоточены также все плотины и запаны, 251 непроходимый перекат и около 15,5 км каменных нагромождений.

Значительно удобнее строить маршрут от Инзерского завода. Здесь на протяжении 144 км перекатов всего 200, из них непроходимы только около сорока. На протяжении первых 78 км река имеет характер, сходный с описанным выше, а следующий участок — 66 км — может быть определен как резкое превращение реки в равнинную. Горы отступают от берегов, острых камней больше нет. Река образует протоки, рукава и острова, поросшие невысоким, но густым лесом.

Следующий этап плавания — р. Сим. Она полноводна, имеет ширину 75—80 м и низкие берега. Лишь в некотором отдалении по правому берегу тянется цепь холмов.

Описание р. Белой см. в брошюре Н. С. Покровского «По Белой» (изд. ЦС ОПТЭ, 1936 г.).

Путешествие можно совершить только на собственных разборных байдарках, так как приобрести лодку на месте невозможно.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Наша консультация	2	К. ЖОЛКОВСКИЙ — Прибайкальской тайгой	18
Постановления и руководители (передовая)	4	Ф. ОПАРИН — В сердце Урала	22
А. ВЛАСОВ — На велосипедах по Дагестану	5	А. ПРОНИН — Исследования пещер	24
Б. ДЕЛОНЕ — 5 ступеней	9	Маршруты к лету	28
В. ЧИЖОВА — На озере Рица	12	Новые книги	30
Н. ПОКРОВСКИЙ — В краю гранита и озера	16	И. КУЗНЕЦОВ — Об организации альпинистского движения	31
		Досуг туриста	31

Фото: Власова А., Ернова М., Михалева В. и Жолковского К., Смирновой Е., Соловьева Ф., Харлампиева Г. и др.

Оформление и заголовки художника В. Филиппова.

На обложке: Боец батальона альпинистов правительственных войск Испании на посту в горах на Арагонском фронте. Фото Союзфото.

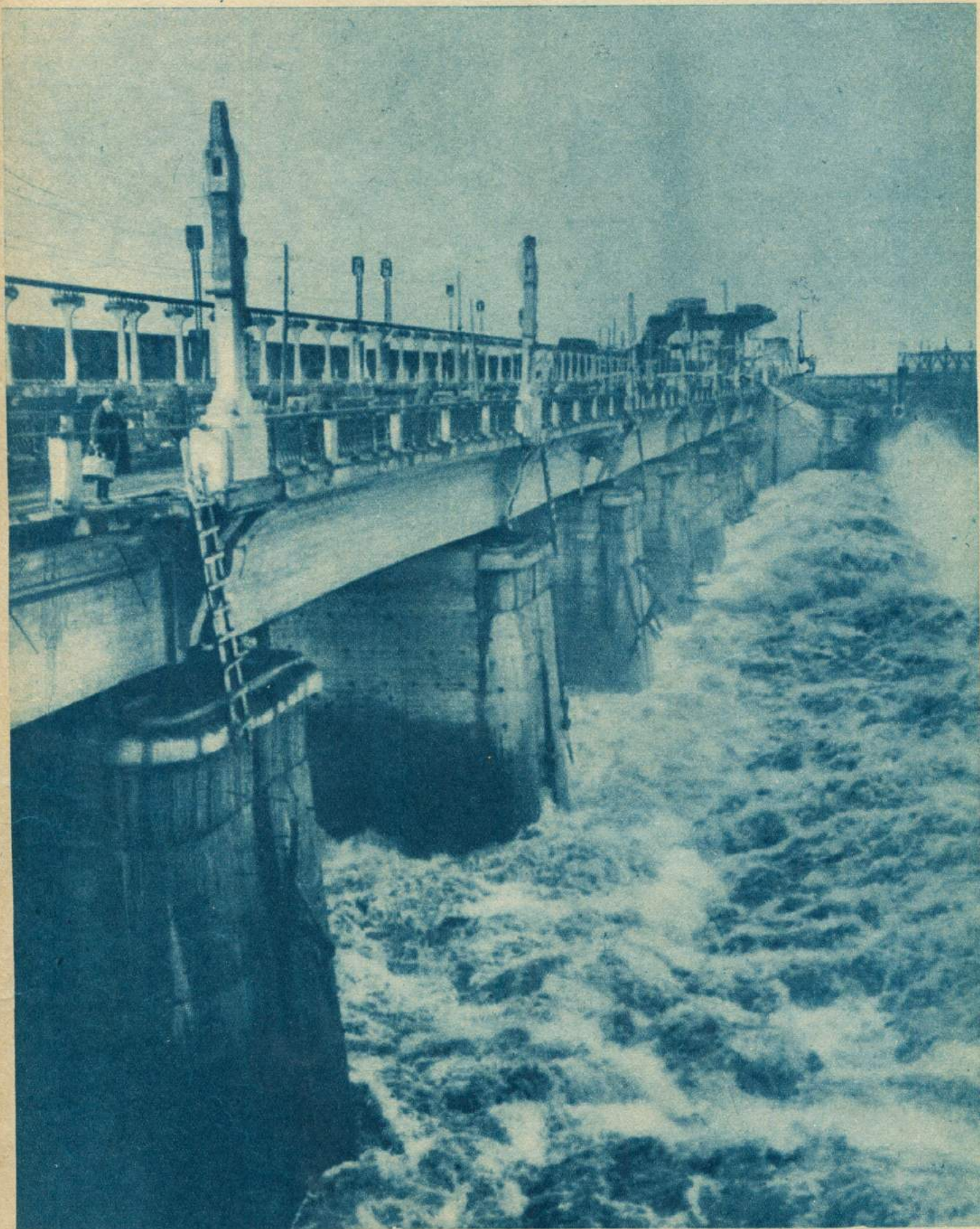
На последней обложке: Боец батальона альпинистов правительственных войск Испании на Арагонском фронте. Фото Союзфото.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1-е МАЯ—БОЕВОЙ СМОТР РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОЛЕТАРИАТА!

Из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1937 года

На канале Волга—Москва. Регулирование горизонта воды в верхнем бьефе у Волжской плотины. Фото Союзфото

28 марта «Правда» поместила письмо группы туристов-активистов под заголовком «Кто отвечает за туризм», а на следующий день созвала в редакции совещание туристского актива и руководителей туризма. Свой краткий отчет об этом совещании «Правда» заканчивает словами: «Вчерашнее совещание в «Правде» подтвердило отсутствие руководства массовым самостоятельным туризмом и полную запущенность этого дела. Надо полагать, что ВЦСПС и Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта, ответственные за развал работы с туристами, сделают, наконец, необходимые выводы и создадут все условия для широкого развития в нашей стране массовых самостоятельных путешествий».

Естественно, что после выступления «Правды» общественность вправе была ждать быстрых и конкретных действий со стороны ВЦСПС и Всесоюзного комитета физкультуры и спорта. Тем более, что выступление «Правды» было после февральского пленума ЦК ВКП(б). Но ни важнейшие, исторического значения, постановления пленума, заострившие внимание руководителей на роли и значении актива в осуществлении истинно демократического, большевистского руководства, ни указания товарища Сталина не оказали должного воздействия на руководителей туристским движением. До настоящего дня дальнейшие совещания они не пошли, несмотря на то, что уже наступило лето, что трудящиеся уже уходят в отпуск, что уже начался туристский сезон.

Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта 7 апреля созвал совещание туристского актива. Проводящий совещание заместитель председателя комитета тов. Кальпус предложил активу представить проект положения об организации секции, смету и план работы на 1937 г. 11 апреля все это было тов. Кальпусом представлено. Тщательно разработанное положение и вполне реальный план были одобрены тов. Кальпусом. Но реальных результатов до сих пор не последовало.

План работы на 1937 г. предусматривает ряд интересных экспедиций и походов. Чтоб их осуществить, необходимо сейчас же приступить к работе, время не ждет, но ни план, ни смета, ни само положение все еще не утверждены.

По проекту положения помимо Центральной секции при Всесоюзном комитете должны быть организованы секции в областях, краях, республиках и городах. Секции должны обеспечить контроль и руководство туристским движением. Центральная секция должна подготовить кадры инструкторов и консультантов, разработать и утвердить труднейшие маршруты и походы, должна утверждать положения секций, туристскую книжку, возглавить борьбу за организацию производства снаряжения в плановом порядке, руководить издательской и научно-исследовательской работой и всей туристской работой в областях, краях, республиках и городах. Чтоб хоть что-нибудь успеть сделать, нужны большевистские темпы, а их и в помине нет у наших руководителей.

ВЦСПС только 20 апреля удосужился созвать туристский актив. В предложенном активу проекте реорганизации Туристско-экскурсионного управления руководители туризмом признаются, что довели самостоятельный туризм до полного развала. Но для улучшения работы не находят ничего лучшего, как оставить старую структуру ТЭУ, организовав при нем отдел самостоятельного туризма с несколькими консультантами.

Этот проект справедливо был назван выступавшими на совещании активистами двурушническим и убогодным.

Только после этой резкой критики проекта всеми присутствующими секретарь ВЦСПС тов. Аболин предложил активу представить свой проект реорганизации ТЭУ.

В своем проекте актив зафиксировал единичные требования выступавших организовать вместо существующего ТЭУ Центральное управление по делам туризма с тремя отделами: отделом самостоятельного туризма, бюро путешествий и отделом обслуживания. Причем бюро путешествий должно поставить своей основной задачей сделать доступными для широких масс трудящихся путешествия по социалистической родине и помочь тем, кто не имеет навыков к самостоятельным путешествиям, эти навыки приобрести.

Установка ТЭУ, считающего своей основной задачей получение прибыли, привело к тому, что дома туристов превратились в плохо оборудованные и плохо обслуживаемые дома отдыха, не имеющие ничего общего с туризмом.

Выдвинутый на совещании актива вопрос об организации Туристской секции при Президиуме ВЦСПС для общественного контроля и руководства мы считаем несущественным. Действительное руководство и контроль будет осуществлять Туристская секция при Всесоюзном комитете по делам физкультуры и спорта, которая обязательно должна быть организована и которая по положению является вышестоящей организацией.

И ВЦСПС и Всесоюзный комитет физкультуры и спорта должны, наконец, выполнить возложенные на них правительством обязанности. Прошло уже больше года с момента опубликования постановления ЦИК СССР о ликвидации ОПТЭ и передаче всей работы по туризму ВЦСПС и Всесоюзному комитету. За это время туристское движение не только не разрослось, а, наоборот, свернулось. Фактически уничтожено все то, чего с трудом удалось достигнуть ОПТЭ. По Союзу буквально стоит вопль. Нет ни одной областной, краевой и республиканской газеты, где бы туристы не взывали о помощи, не требовали от профсоюзов заняться наконец туризмом и альпинизмом.

Пора подумать тем, кто отвечает за дело туризма и альпинизма, что критика и самокритика, поставленная в порядке дня пленумом ЦК нашей партии, не обойдет их.

Центральным местом обмена опытом массовой пропаганды туризма и массового вовлечения в туризм должен стать клуб. Вопрос о клубе был поднят редакцией по предложению слета московских туристов 24 июня прошлого года. В течение девяти месяцев происходило обсуждение вопроса на страницах нашего журнала. Дискуссия с очевидностью доказала своевременность организации клуба — центра туристского движения.

О том, что на сегодня туристский клуб является наиболее жизненной формой, говорят работники альпинистских клубов в своих статьях, помещенных в №№ 3 и 4 журнала. И та и другая статьи свидетельствуют о большой организующей роли клуба в альпинистском движении, о большой работе по вовлечению в альпинизм, которую удалось провести только благодаря существованию клуба.

Редакции „Правды“

Наш горячий привет «Правде», стойкому борцу за большевизм, ко дню ее двадцатипятилетия.

Центральный орган нашей партии «Правда» всегда и при всех обстоятельствах высоко держала знамя Ленина — Сталина. Она всегда помогла партии в борьбе со всякими уклонами, вредителями и шпионами, всегда стояла на страже осуществления хозяйственных задач, всегда успевала зорко следить за выполнением постановлений партии и правительства и на культурном фронте.

Редакция журнала «На суше и на море»

Каким должен быть клуб: универсальным или нет?

Этот вопрос несомненно разрешится в каждом отдельном случае по-своему. В основном это будет зависеть от степени развития того или другого вида туризма в данном крае или городе. Там, где в значительном большинстве будут водники и они захотят иметь свой клуб, организуется клуб туристов-водников. Там же, где этим большинством окажутся велосипедисты, организуется клуб туристов-велосипедистов. Несомненно одно: в настоящее время число туристов еще таково, что о самостоятельных клубах по видам туризма нам говорить не приходится. Пока что может идти речь только о самостоятельных клубах альпинистов, и то не всюду.

Из всех авторов, дискутирующих по этому вопросу, только О. Гринфельд (см. № 12, 1936 г.) выступил с выпадом на редакцию и на тов. Покровского за постановку вопроса о клубах туристов. Причем он не голосует против клубов для альпинистов, а лишь против клубов для остальных туристов, потому что остальные виды туризма должны сначала «подрасти».

Его статья редакция уже дала должную оценку. Еще более резкую оценку она заслуживает сейчас, когда руководители из ВЦСПС и Всесоюзного комитета физкультуры и спорта были по заслугам осуждены на страницах «Правды» и других центральных газет.

Об этой статье не стоило бы и упоминать, если б это столь невразумительное (мягко выражаясь) выступление шло от лица О. Гринфельда. К сожалению, оно написано по поручению Горной секции ВЦСПС. Надо думать, что только большая загруженность руководителей позволила О. Гринфельду выступить от имени секции со статьей, противоречащей всем установкам партии и правительства.

Кто должен руководить и контролировать работу клубов? По проекту положения о Туристской секции при Комитете физкультуры и спорта руководство и контроль над работой клубов, так же как и работой в частях РККА, кружков на предприятиях, в учебных заведениях и домах пионеров, возлагается на областные, краевые, республиканские и городские комитеты физкультуры и спорта.

Для этого секция создает постоянные комиссии по отдельным отраслям своей работы. В комиссиях будет участвовать, кроме членов секции, и актив из лучших и опытных туристов.

* * *

«Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушаться к голосу масс, вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства». Эти золотые слова товарища Сталина на историческом пленуме прошли мимо руководителей из ВЦСПС и Всесоюзного комитета. Потребовалось еще напоминание «Правды», чтоб заставить зашевелиться бюрократов. Но только зашевелиться. Еще немало усилий придется приложить туристскому активу, чтоб заставить их перейти от слов к делу.

Но туристы — народ энергичный и смелый. Мы надеемся, что, если они не трусят плыть по неизведанным рекам, проходить по неведомым болотам, пробираться по нехоженой тайге и по незнакомым перевалам и кручам, то не отступят и перед таким препятствием, как «бюрократ», будь он даже самого высокого класса.

Мы надеемся, что, возвратясь в этом году из своих путешествий, экспедиций и походов, они на всесоюзном слете туристов смогут поздравить друг друга с победой.

На велосипедах по Дагестану

Очерк и фото А. Власова

Каспийское море встретило нас 11-балльным штормом, а Махач-Кала песчаным и пыльным ураганом. За городом горы были окутаны свинцовыми тучами, и казалось, что там непрерывно шел дождь.

На том месте, где в 1722 г. во время персидского похода был лагерь Петра Первого, в 1844 г. было построено укрепление Петровское. Через тринадцать лет здесь возник город Петровск-Порт. В прошлом это портовый город (17 тысяч жителей) со слабо развитой промышленностью и несколькими культурными учреждениями. Теперь это столица Дагестанской АССР — Махач-Кала, названная так в честь Махача Дахадаева, в годы гражданской войны возглавлявшего революционные силы Дагестана и погибшего в бою с белыми. Махач-Кала — административный, политический и промышленный центр республики с театром, кино, клубами, больницами, гостиницами, десятками начальных и средних школ, несколькими техникумами и тремя вузами, о которых до пролетарской революции дагестанцы не могли и мечтать.

Ознакомившись с внешним видом города, мы посетили краеведческий музей, собирателем и руководителем которого является участник революционного подполья и активный борец за установление советской власти в Дагестане т. В. Атаев. В экспонатах музея отобразена история, промышленность и хозяйство страны от шамилевской государственности до наших дней.

Из Махач-Кала мы выехали по первой и единственной до Октябрьской социалистической революции дороге, ведущей в Гумиб и построенной царскими завоевателями в 1865—1869 гг. Теперь она вдвое расширена, так как на смену арбе пришел автомобиль.

Сразу за городом дорога вступает в невысокую с длинными пологими склонами горы, напоминающие мертвую зыбь на море.

Чем дальше, тем все выше взбирается дорога, по бокам высятся нестрые скалы с редкой растительностью. В ту и в другую сторону от шоссе отходят вновь построенные дороги; они ведут к утопающим в зелени садов аулам.

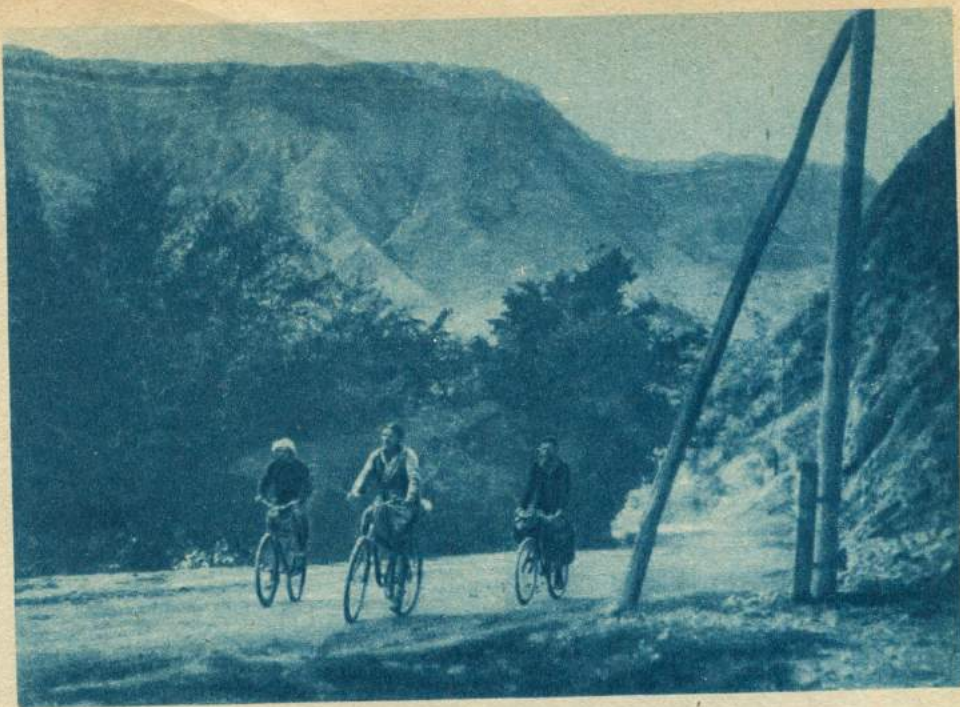
Верхушки гор были окутаны густыми облаками, и дул ветер, принося с лугов запахи трав. Навстречу тянулись бесконечные обозы арб, нагруженных бочками с персиками. Единственный на несколько районов консервный завод в г. Буйнакске с трудом справляется с переработкой овощей и плодов. Теперь начато строительство ряда новых консервных заводов.

За Кизлярским перевалом ландшафт резко меняется и напоминает бесплодную пустыню.

Вскоре мы подъехали к аулу Урма. Около аула нас встретила толпа ребятишек. Лица у них были обмазаны белой глиной. Долго мы не могли понять причину этой странной гримировки. Оказалось, что это профилактическое средство от солнечных ожогов.

Знакомясь с аулом, мы прежде всего обратили внимание на строительство двухэтажного здания школы.

Только тем, кто знает, что до Октябрьской социалистической революции школа была редкостью даже для крупных населенных пунктов Дагестана, будет понятно, каким событием явилось это строительство в жизни небольшого аула Урмы. До революции в Дагестане было 746 школ, из которых 708 духовные при мечетях, теперь около 2 000 школ, охватывающих всех де-

Берегом Андийской Койсу

тей школьного возраста. Значительно увеличилось количество грамотных: с 3—5 проц. (на арабском языке) до 84 проц. (на национальных языках).

Первенец электрификации

За Левашами дорога круто идет вниз. После голых выветренных скал начинает попадаться зелень посевов. Нужно удивляться трудолюбивым и настойчивым земледельцам, создавшим небольшие терраски земли, подпертые каменной кладкой. На некоторых террасках помещается не больше 10—15 корней кукурузы. Чем ниже, тем больше посевов, а затем начинаются фруктовые сады.

Дорога сбегает под развесистыми кущами столетних орехов к берегу р. Казикумухское-Койсу. Вверх и вниз по долине реки бесконечные фруктовые сады. Это центр садоводства района. Река с грохотом несет молочного цвета воды, создавая промоины и колодцы. Местами вода уходит в глубо-

кие щели, ширина которых не больше 1 м, местами русло расширяется, а гладко обмытые сланцы берегов напоминают специально выложенные гранитные набережные. Дорога извиваясь идет вдоль реки бесконечными садами, поднимаясь все выше и выше. Вот кончаются сады Ходжал-Махи и почти без перерыва начинаются сады сел. Гергебиля, расположенного в грандиозном каньоне при слиянии рек Кара-и Казикумухское-Койсу.

За широко раскинувшимися садами и огородами Гергебиля дорога уходит в узкую щель Хартикуненского ущелья. Вход в него замыкают две огромные выветренные скалы.

Как будто сразу померкло солнце. В ущелье темно и сыро. По дну с грохотом несет свои темные воды Кара-Койсу. Отвесные стены гор по обеим сторонам подавляют своим величием.

Начались посевы кукурузы, указывающие на близость жилья, и внезапно, как из земли, выросли аккуратные белые домики поселка Гергебилястрой, окруженные цветниками.

Типичный вид дагестанского аула

Персики

В поселке находятся управление строительства, больница, почта, кооператив, столовая, клуб, спортивная площадка и небольшой базар.

Здесь развернулось строительство первого участка электрификации Дагестанской АССР — Гергебильской гидроэлектростанции мощностью в 10 000 квтч. Она осветит селения в радиусе 50 км и даст энергию вновь строящимся консервным заводам и г. Буйнакску.

На строительстве подготовлены кадры опытных рабочих из местного населения. Опрятные белые домики поселка строительства служат хорошим примером улучшения бытовых условий горцев, по вековым традициям строящих дома низкие с маленькими окнами и с плоской кровлей.

Когда мы появились с велосипедами, собралась группа любопытных. Они осыпали нас градом вопросов.

Остановились около столовой, из окон которой неслись звуки баяна. К сожалению, мы опоздали: обедов уже не было. Опечаленные сели за столик и стали совещаться. Запасы наши иссякли, даже не было хлеба. В буфете, кроме компота, нам ничего предложить не могли.

В столовую заходили рабочие выпить солодного кислого вина.

— Откуда, товарищи? — услышали мы. К нам подошел невысокий человек в сунной гимнастерке.

— Из Москвы.

— Вот как! — Он подвинул свободный тул и сел.

Голодные, мы неохотно отвечали на вопросы.

— Куда едете?

— В Гуниб.

— Почему не поехали по более короткой дороге?

Мы объяснили, что нам хотелось увидеть Гергебильстрой и добавили:

Собеседник удивленно посмотрел на нас и пошел на кухню. Через несколько минут перед нами появились яичница, салат и пр. Мы стали разговорчивее и между прочим сказали:

— Хотели бы почитать, а завтра познакомиться со строительством, но, пожалуй, ничего не выйдет, ведь придется спрашивать разрешения у вашего начальства, а к нему так скоро не долезешь...

Сидевшие за соседним столиком рабочие засмеялись.

— Товарищи, вы уже час разговариваете с заместителем начальника строительства, — сказал один из них.

На наши удивленные и смущенные взгляды собеседник ответил добродушной улыбкой.

Так как было уже поздно, то наш новый знакомый т. Тамадаев попросил прораба на следующий день познакомиться нас со строительством и дал распоряжение коменданту предоставить нам комнату для ночлега.

Утром мы с висящего над ущельем на стальных тросах мостика осматривали грандиозные сооружения. В ущелье шириной 20 м воздвигнута плотина 52 м высотой и 20 м толщиной у основания. В скалах пробиты водонапорный и водосбросный туннели.

В полдень мы тронулись в дальнейший путь.

На месте колесной дороги на Гуниб воздвигался береговой бычок плотины. Мы проехали на велосипедах там, где через несколько месяцев будет 10-километровое озеро-водохранилище.

У Красного моста дорога вьется по головокружильным карнизам. На крутых склонах, как ласточкины гнезда, лепятся аулы, окруженные пирамидальными тополями.

Крутой спуск через сады приводит к мосту через Кара-Койсу, откуда начинается очень крутой подъем на стоящую, как маяк, гору Гуниб.

Быстро стемнело. Внизу и наверху вспыхивали электрические огни колхозной электростанции. Взяв своих «коней» за «рога», мы начали подниматься. На всем протяжении подъема где-то гремели невидимые потоки. Огромные ореховые деревья бросали причудливые тени.

За воротами бывшей когда-то первой линии укреплений дорога напоминает аллею парка. Еще подъем, несколько поворотов, и мы на площади сел. Гуниб, обсаженной пирамидальными тополями. Была лунная ночь. Феерический свет сглаживал трещины старой крепости, и она с ее воротами и башнями казалась грозной и настороженной.

Гуниб был последним оплотом Шамиля. Здесь в 1859 г. Шамиль был взят в плен русскими колонизаторами, с которыми горцы вели полувековую борьбу, отстаивая свою независимость.

Районный центр сел. Гуниб расположен на высшей точке Гунибского плоскогорья Гуниб-даг (2 351 м) и окружен горными цепями, пропастями и ущельями. Прекрасные климатические условия района дали возможность создать здесь туберкулезный санаторий и дом отдыха. Проложена новая автомобильная дорога в неприступных скалах Кара-Койсу до Чароды (бывш. Тлах).

Карадах — Хунзах

Вихрем мы мчались в котловину Карадах, к берегам Аварского Койсу. Дикие скалистые горы были окутаны густыми облаками.

Мы часто делали остановки, чтобы дать остыть втулкам велосипедов и погреть коленчатые руки. После горячего гунибского солнца холод был особенно чувствителен. К тому же тело было почти в бездействии, так как приходилось только нажимать на тормоза.

совершенно не имеет разбитых участков. Оно сделано из глинистого сланца, который в сухую погоду тверд, как камень, а дожди в республике — редкое явление. Кроме того за исправным состоянием шоссе ведутся постоянные наблюдения.

В 1924 г. в Дагестане было 174 км дорог, в 1935 г. — 1 700 км. С большим трудом в скалистых ущельях трудящиеся прокладывали дороги, имеющие союзное значение, и строили сотни мостов. В 1935 г. они завоевали переходящее всесоюзное красное знамя, соревнуясь с Чувашией, взявшей первенство по дорожному строительству в РСФСР.

В Карадах дорога раздваивается на Аваро-кахетинскую и Аваро-андийскую. Первая идет вверх по Аварскому Койсу; она существовала и раньше, но в годы гражданской войны от нее не осталось никаких следов, и она заново строится теперь. Эта дорога соединит республику с братской Грузией и приобщит недоступные и отдаленные районы Анкратля и Дидоа к советской культуре. Аваро-андийская дорога по обрывистым склонам круто поднимается на Аварское плато, затаятое теснинами ущелий, по которым протекают реки Аварское и Андийское Койсу.

В Карадах мы неожиданно встретились с велосипедистом из г. Буйнакск. Это работник консервного завода, приехавший заготовить тару — ящики на местном лесопильном заводе.

Видя, как мы проверяли свои машины и подвертывали гайки, буйнакский велосипедист сказал:

— У меня тоже велосипед, как я рад был, получив его, а не умею с ним ладить, колесо выхляпает, а что и как надо подвернуть — не знаю.

Осмотрев его машину, мы поразились, как он мог на ней ездить: переднее колесо представляло собой настоящую «восьмерку».

Отцентровыв колеса, заклеили камеры и подтянули гайки. Наш новый знакомый горячо поблагодарил нас и посоветовал нам направиться по Кяхетинской дороге, очень хорошей по состоянию и профилю, но со следами старых и новых завалов от часто происходящих здесь оползней.

Когда мы появились в ауле Голотль, собралось все мужское население. Горцы

Участники велопутешествия с местными жителями; слева направо: предс. Цумадинского районного ОСО Г. Гусейнов, участники А. Андрианов и А. Власов, красный партизан З. Магомаев, участник П. Александров

с любопытством ошупывали наши машины, нажимали груди сигнальных рожков, угощали прекрасными персиками...

За аулом Голотль нам вскоре пришлось покинуть шоссе и свернуть на арбную дорогу, ведущую к центру Аварского района — Хунзах. Быстро стемнело. Густые облака рассеялись, и на небе появилась яркая луна. Подъем становился круче. Мы — у основания вертикальной стены гор, и казалось, что пришли в тупик. Где-то над нами то слева, то справа был слышен скрип колес и песня арбщика; представлялось, что мы ходим туда и назад по одному месту, волоча за собой тяжелые велосипеды. Сейчас мы презрительно называем их никчемными, хотя незадолго перед тем, когда птицами летели со склона, мы удивлялись тому, что не увековечена память конструктора «бегательной машины» Карла Дрэ. Все время с одной стороны — ребра выветренных сланцев, с другой — черные провалы.

Наконец, утомительный подъем кончился, и мы стали спускаться в воронкообразную котловину. Дорога шла краем воронки и казалась бесконечной. Резкий поворот, и через искусственную выемку открылся вид на нагромождения домов-ящичков, ярко освещенных луной. Ни огонька, ни звука, лишь гремела по камням вода потока. Селение как будто вымерло.

Это — Хунзах, в прошлом столица могущественного и воинственного Аварского ханства, а теперь административный центр района. Сохранился ханский дворец. В нем организована трикотажная фабрика, на которой работают женщины-горянки, раньше бесправные, считавшиеся равными рабочему скоту. На ручных машинах они изготавливают дешевый, но добротный шерстяной трикотаж.

Остановились ночевать у учителя местной школы. С раннего утра двор наполнился людьми. В центре толпы — 5 человек с велосипедом. Это работники местного административного аппарата. Они просят одолжить им вентиляцию резины, шариков и клея. Мы охотно делимся нашими запасами, устраняем ряд неполадок в их машинах и с удовольствием принимаем приглашение навестить их в укреплении, расположенном в 2 км от селения.

На спуске

От Хунзаха дорога идет по плоской местности среди лугов и полевых. На полях кипела работа по уборке урожая. А впереди ярко сверкала снега Богосского хребта. После пересечения отрогов его начинается самая головокружительная дорога Дагестана. Крутой спуск протяжением около 35 км приводит к Андийскому Койсу. Как белая нитка, дорога причудливо извивается среди голых разноцветных скал и искусственных террасовых полей. Разительный контраст между селениями, расположенными вверху и на дне котловин: первые лепятся на лишенных всякой растительности скалах, вторые утопают в зелени садов.

Тормоза с трудом держали велосипеды, приходилось подтормаживать ногой на колесо. Издалека снизу донесся грохот взрывов, повторенный многократным эхом в горах. Спустившись, узнали, что это производятся работы по расширению дороги. В большинстве случаев дороги здесь строились стихийно, без технического руководства и расчетов. Ширину определяли взявшие за руки четыре человека. По такой дороге может проехать автомобиль, но развезаться с встречным ему трудно.

Ниже в полосе лугов шла уборка сена. Появление наших стальных «коней» внесло смятение в ряды лошадей и ослов, на которых выюками перевозили сено. Животные сломя голову вскачь неслись прочь от дороги. Пришлось спешиваться, но это мало помогло: животные, несмотря на поучения хозяев, продолжали шархаться в стону.

После небольшого подъема у сел. Хи-рахи спуск делается еще круче. Тормозили обеими ногами: одной на педаальный тормоз, другой на переднее колесо. Часто останавливались, так как от неудобного положения немели ноги, кроме того, корпус задней втулки велосипеда нагревался до такой степени, что от прикосновения к нему на пальцах вздувались волдыри ожогов.

По ту сторону реки Андийское Койсу тонкой лентой вьется новая дорога на г. Буйнакс. Над ней нависают грозные скалы Абдал-забузальского плоскогорья; они были окутаны свинцовыми тучами. Подувший оттуда ветер принес холодный дождь, и мы поспешили к видневшемуся в зелени садов Тлоху. Резкий поворот влево, и нам навстречу выбежал человек, размахивая шапкой и крича что-то непонятное. В недоумении остановились. Справа из заложенных шпуров шел густой белый дым. Сообразив, в чем дело, мы бросились назад и спрятались за выступ поворота. Сейчас же раздался один за другим два взрыва и послышался грохот падающих каменных глыб.

Ботлих

Вдоль широкой многоводной реки Андийское Койсу идет хорошая автомобильная дорога. Над берегом реки нависают ивы и ветлы.

Здесь мы нагнали трех всадников, и между нами по молчаливому соглашению началось соревнование. Двое всадников вскоре безнадежно отстали. Третий, ехавший сокращающими путь тропами, вогнал коня в мыло. Наконец, после продолжительной скачки он сдался.

— Никогда не думал, что такая простая машина может обогнать коня, — говорил он, когда мы спешились. — Мой конь хороший. А женщина маладец, джигит, — указал он на нашу спутницу. — Наши женщины на конях хорошо ездят.

Расстались друзьями. Дорога идет все выше и выше между бесплодными хаотически нагроможденными скалами и затем круто спускается к широко раскинувшимся садам Ботлиха.

Следующий день был базарный, поэтому Дом горца был наполнен доотказа. С трудом мы устроились на ночлег.

Рано утром нас разбудил скрип колес, ржанье лошадей, крики ослов и их погонщиков. Все это двигалось мимо нашего дома на базар.

На узких улицах Ботлиха — необыкновенное оживление. Бурки, овчинные тулупы, необъятные шапки, черные и белые покрывала женщин видны всюду — и на улицах, и в столовой Дома горца, и в сберкассе, и на почте, и в магазинах.

По шатким плитам горного мостика...

Около здания народного суда в самом здании царил необычайное оживление.

Здесь собрались и мужчины и женщины.

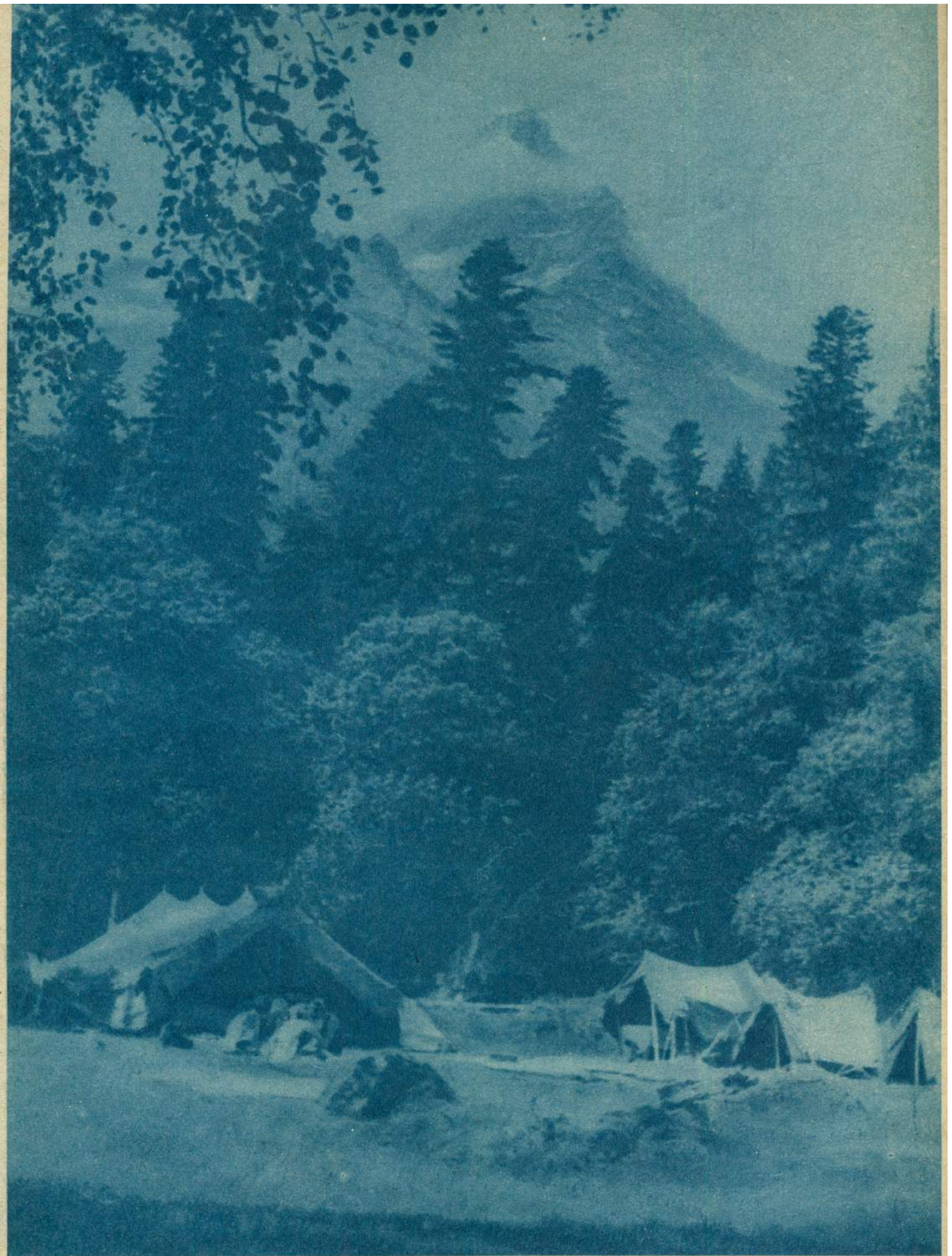
Предстояло разбирательство какого-то очень интересного дела. Решением трудящихся Дагестана в 1925 г. были ликвидированы бывшие в руках мулл шарнистые суды, в которых женщина могла выступать лишь в качестве виновной стороны. После этого женщина в Дагестане одинаково с мужчиной получила возможность защищать свои права в народном суде.

На открытом месте выше селения стоял четырехугольный навес. Под ним женщины торговали салом, сыром, маслом. Середина же базара была завалена горами фруктов и орехов. Несколько в стороне — ряд женщин торговал солью, добываемой в окрестностях Ботлиха. Мужчины продавали бурки, медные кувшины и блюда самых разнообразных размеров и форм, тулупы,

(Окончание см. на 14 стр.)

Лагерь альпинистов — работников искусства на Домбайской поляне летом 1936 г.

Фото Г. Харлампиева

Зимой 1935—36 года Горная секция быв. ЦС ОПТЭ дала классификацию более 200 вершин Кавказа, Средней Азии и Алтая по степени трудности восхождения на них. Сейчас секция альпинизма при Всесоюзном комитете по делам физической культуры и спорта предпринимает дальнейшее уточнение этой классификации.

Нами была принята классификация на 5 «категорий»: 1-я (А и Б) — легкие, 2-я (А и Б) — средней трудности, 3-я — трудные, 4-я — очень трудные и 5-я — крайние трудные. Это соответствует старой немецкой классификации вершин (leicht, mittelschwer, schwierig, sehr schwierig, ausserst schwierig).

Путь на вершину мы обычно предполагаем наиболее легкий из всех возможных на данную вершину. Восхождения по различным путям могут отличаться друг от друга на 1, 2, 3 и даже 4 категории. В условиях предполагается также хорошая погода, так как при плохой погоде трудности могут чрезвычайно возрасти. Надо еще сказать, что трудности снежной вершины значительно зависят от состояния снега и льда. Мы будем предполагать, что оно удовлетворительно для данной вершины. Однако и при выполнении всех этих условий все же невозможно дать общую точную формулу для отнесения вершины в ту или иную категорию трудности, поэтому мы, как и за границей, исходили из некоторых эталонов (характерных вершин каждой из 5 категорий), которые были выбраны в соответствии с граничными вершинами тех же категорий.

Я все же попробую наметить некоторые признаки всех пяти категорий, а затем дам поясняющие выдержки из описаний восхождений на одну вершину каждой из категорий. Надо заметить, что 1-я категория требует к себе вполне серьезного отношения, соответствующего снаряжения (горные ботинки, веревка, ледорубы) и некоторого альпинистского опыта (например, не менее пятнадцатидневного пребывания в горно-учебном лагере).

После прохождения учебы в лагере в первое же лето обычно поднимаются с опытным товарищем на вершину трудности 1-Б, которая и дает им значок «Альпинист СССР» 1-й ступени (при соблюдении других требований). Всякая вершина 2-й категории, в особенности 2-Б, представляет уже некоторые трудности. Восхождение на вершину 2-й категории можно посоветовать лишь после того, как взяты две вершины 1-й категории, причем вторая без инструктора.

3-я категория — это, несомненно, та цель, к которой должен стремиться наш массовый альпинизм в настоящее время. Ведь из 8 000 значкистов пока были на вершинах 3-й категории не больше 200 человек. Было бы желательно, чтобы в ближайшие годы это число значительно увеличилось. От вершин, в особенности более легких, 2-й категории вершины 3-й отличаются тем, что в каждой из них есть хотя бы не длинные, но действительно трудные скалы, требующие скальной техники (Домбай-Ульген) или трудные и опасные ледяные склоны (Айлама). От вершин же 4-й категории они отличаются тем, что эти трудные места не очень длинные, во всяком случае длятся лишь несколько часов. В вершинах 4-й категории такие же или гораздо большие трудности приходится преодолевать в течение двух и более дней сряду. Вершины 4-й категории, конечно, доступны далеко не всякому альпинисту (Ужба, Тихтенген). За два восхождения на вершины 4-й категории (при выполнении всех прочих требований) центральная секция альпинизма постановила давать значок «Альпинист СССР 2-й ступени». Такие значки пока имеют всего около 50 человек.

Восхождения на вершины 5-й категории — это рекорды, в которых советский альпи-

5 СТУПЕНЕЙ

Б. Делоне

низм соревнуется с тем лучшим, что дает мировой альпинизм. Сюда относятся Шхельда, Хан-Тенгри, пик Сталина.

1-я КАТЕГОРИЯ

Тютюргу-баши (4 350 м)

Из записей руководителя группы свердловских альпинистов тов. Б. Роберга

Сгибаясь под тяжелыми рюкзаками, медленно поднимается по морене учебная группа нашего лагеря. Впереди второй ледопад ледника Шаургу. Уже более трех часов дня, когда мы подходим к первым его трещинам. Связываемся веревками. Через два часа после лавирования между трещинами мы на плато над ледопадом. К шести часам вечера инструктора велют разбивать бивуак. Для ночлега выбираем небольшое углубление в снегу между правой боковой мореной и ледником. Ребята энергично принимаются таскать камни и выравнивать площадку. Через полчаса вырастает лагерь из 6 палаток. Скоро все засыпают. В спальных мешках и палатках тепло и уютно.

Встаем при первых проблесках утренней зари. Холодно. Замерзший за ночь снег хрустит под ногами. Надеваем кошки. Склон становится все круче. Наконец, выходим на гребень на солнце. Далеко внизу виднеются черные фигурки задних веревочек. Мы все время охраняем друг друга при помощи вонзаемых в снежный гребень ледорубов и веревки. В 7 часов утра мы стоим на вершине. Ни облачка. Прямо перед нами, за лежащим далеко внизу ледником Безинги, Дыхтау, правее Безингийская стена, еще правее скалистая громада Тихтенгена, из-за его плеча синеет красавица Ужба.

В 8 час. утра осторожно начинаем спуск. Часам к 5 вечера все уже в сборе в основном нашем лагере, и вскоре под прелестными чегемскими соснами пылает костер.

2-я КАТЕГОРИЯ «Б»

Башиль-тау (4 190 м)

Перейдя с севера через Твибер, мы заночевали на морене среди ледников несколько ниже перевала. Вышли с этой ночевки в 4 часа утра и через полчаса по плоскому леднику Ласкидар подошли к скалам юго-восточного склона Башиль-тау (А). Перейдя подгорную вершину, в несколько минут вскарабкались по почти отвесному камину в кулуар камнепад, а из него налево на скалистый склон, отчасти покрытый непрочным снегом до 50° крутизны. По нему 1½ часа прямо вверх на гребень (Б), соединяющий Башиль-тау с его южным отрогом, имеющим вид шкафа.

Дальше путь идет сразу очень круто. Скалы прочные. Выраженного гребня нет, мы то лезем справа над Ласкидаром, то со стороны Лекзыра. Через 2 часа мы были в месте, где начинается уже менее крутой явно выраженный гребень. Эта часть труднее. То приходится перелезть небольшие жандармы, то траверсировать правой или левой стороной. Везде очень круто. Буквально верхом по острому гребню мы приближаемся к ключу всего восхождения — к жандарму метров 20 высотой. Справа и слева отвесные стены, так что облезть его нельзя. Один из нас не без труда берет его, а два другие поднимаются по веревке. Вскоре мы на вершине. Остальная часть гребня потребовала еще 2½ часа.

Спуск тем же путем до подгорной трещины за 5 час., и снова ночевка на леднике.

Из описаний видно, что тогда как в восхождении 1-й категории никаких специальных трудностей нет, в описанном (правда, довольно трудном) восхождении 2-й категории уже имеются крутые скалы, которые приходится преодолевать в течение 12 час. подряд.

3-я КАТЕГОРИЯ

Айлама (4 525 м)

Написано по материалам восхождения Сасорова и Федорова 1935 г.

Из ленинградского лагеря в Стулу мы проникли в цирк Айламинского ледника через седло, лежащее непосредственно на север от Фыхнаргина. Этот путь оказался более коротким и занял всего 6—7 часов. 21 августа по Айламинскому леднику мы дошли до Айламы и в том месте, где от нее отходит северный гребень, поднялись к седловине (на фото путь к седловине не виден, он идет как раз по противоположному склону гребня), в которой северный гребень (левый гребень на фото) примыкает к ледяной шапке вершины.

Подъем на седловину идет по очень крутому висячему леднику, который мы взяли, пользуясь ледовыми крючьями и карабинами, за 2—3 часа. На седловине мы были, когда не начинало еще темнеть. Устроили ночевку в мягком снегу в хорошо защищенном от ветра месте. Залезли вдвоем в один спальный мешок, а другой подстелили под себя. Палатки у нас не было. 22 августа встали с восходом солнца. Холодно. На небе ни облачка. Оставив все вещи, кроме необходимого снаряжения, и взяв по плитке шоколада, стали подниматься по фирну. Крутой ледяной гребень, по которому мы поднимаемся, обрывается к Шхаре ледяным, а к Сурунгалу скальным склоном. Этот гребень упирается в громадный фирновый массив вершинной шапки Айламы, поднимающийся еще метров на 500 над нами и во все стороны кончающийся грандиозными ледяными обрывами.

Начальный необычайно крутой ледяной склон этой шапки, висящий над гигантскими пропастями северной и западной стен Айламы, главная трудность всего восхождения. Он не длинный, но надо быть крайне осторожным. Один из нас вбивает ледовые крючья так, чтобы в каждый момент веревка висела одновременно на двух крючьях, а другой сзади вырубает их. Осколки льда, вырубаемые иногда передним, проносятся мимо нижнего и со свистом исчезают в бездне. К счастью, чем выше, тем склон становился отложе. Перед самым концом, однако, склон опять сделался очень крутым. Приходилось несколько раз отдыхать на веревке. В 10 часов утра мы были на вершине. Построили тур и через час начали еще более трудный спуск. К вечеру спустились к бивуаку в Айламинском цирке, а 23-го вернулись, опять через седло Фыхнаргина, в ленинградский лагерь.

В описанном восхождении 3-й категории уже есть одно очень трудное место, — ледяной склон, — требующее высокой альпийской техники.

4-я КАТЕГОРИЯ

Южная вершина Ужбы (4 698 м)

Восхождение Васильева и Берковича 1936 г. Приводим описание тов. Васильева

Переночевав на Гульском леднике, мы в 2½ часа утра при луне пересекли его по направлению к широкому снежному

кулуара мы быстро набираем высоту. Не доходя по кулуару до гребня, мы свернули в крутые левые скалы, а затем продолжали подъем по другому еще более крутому узкому кулуару. Несколько раз нам приходилось пересекать глубокий лавинный жолоб, что нас немало задерживало. Поднявшееся солнце быстро размягчило снег — ноги стали проваливаться и скользить. В результате пришлось перейти на скалы с правой стороны. Крутое скалолазание

время нашего пребывания в кулуаре только один раз над нашими головами пролетело несколько небольших камней, сорвавшихся, однако, судя по скорости их падения, где-то невысоко над нами. Часов через 8 такого, крутого, но не очень трудного подъема мы были на маленькой седловинке, называемой «Мазерской впадиной».

Отсюда впервые открывается вид на ту сторону юго-западного отрога — на крутое «нижнее» снежное поле и юго-западные стены вершинной башни. С противо-

тивом льдом и водой, облетели плиты, — по ним должен был пройти наш путь. Погода начала портиться. Налетели облака. Нас накрыл туман. Некоторое время выжидаем, но так как облака не принесли дождя и снега, мы продолжали наш путь. От «Мазерской впадины» крутой спуск вниз (150 м). Мы спускаемся не по крутому снегу, как Шульце, а по крутым, но не трудным скалам с левой стороны.

Достигли нижнего снежного поля. По гладкому ледяному жолобу, который нужно пересечь, сверху со стены то и дело пролетают лавинки, камни. Прочно вбитый в скалу крюк охраняет наше движение. Путь по мокрым плитам мы проделали в тумане и часам к 7 вечера поднялись до высоты 4 100 м, где нашли консервные банки группы Шульца. Это была радостная находка. Заночевали. Утром следующего дня на кошках проходим верхнюю часть нижнего снежного поля по направлению к «Красному углу».

Обогнув скалы «Красного угла», вышли на верхнее снежное поле, по которому легко поднялись до стыка западной и юго-западной стен. Отсюда начинается штурм стены.

Сначала по гладкому невысокому углу на большую наклонную плиту. От плиты мы поднимаемся на высоту 8 м, цепляясь руками и ногами по гладкой трещине шириной 20—30 см. Здесь выступает из стены камень, на который можно встать обеими ногами и передохнуть. Сразу от камня чрезвычайно трудная часть стены — 8 м траверса влево. Здесь пришлось заколотить немало крючьев для организации точек опоры. После мы вышли на наклонную, в метр шириной, гладкую «полку», покрытую коркою льда. Осторожно траверсировали по ней вправо метров 25—30 (охранение не надежно, крючьев вбивать некуда). По менее крутой части стены продвинулись около 30 м вверх и потом снова траверсировали метров 30 влево. Отсюда по широкому неглубокому жолобу, по очень крутым, но менее трудным скалам опять 30-метровый подъем вверх. Высота всей описанной стены около 120 метров. Эта стена — главная трудность южной вершины Ужбы.

Наконец, мы вышли на острый гребешок и с радостью увидели снег вершинного снежного поля. По снегу мы быстро поднимаемся вверх на острый снежный гребень. Снег на гребне расплавлен, передвигаться приходилось с крайней осторожностью. Охранения почти никакого. Начало смеркаться. Уже в темноте достигаем вершины. На острой снежной вершине вытаптываем ямку, в ней под мешком Здравского провели ночь.

Из-под снега откопали тур. В нем нашли записки и флаг альпинистского Мюнхенского общества, оставленные в 1935 г. группой германских альпинистов, траверсировавших Ужбу. Спуск с вершины прошел тем же путем вплоть до Гульского ледника. На него потребовалось тоже двое суток.

***

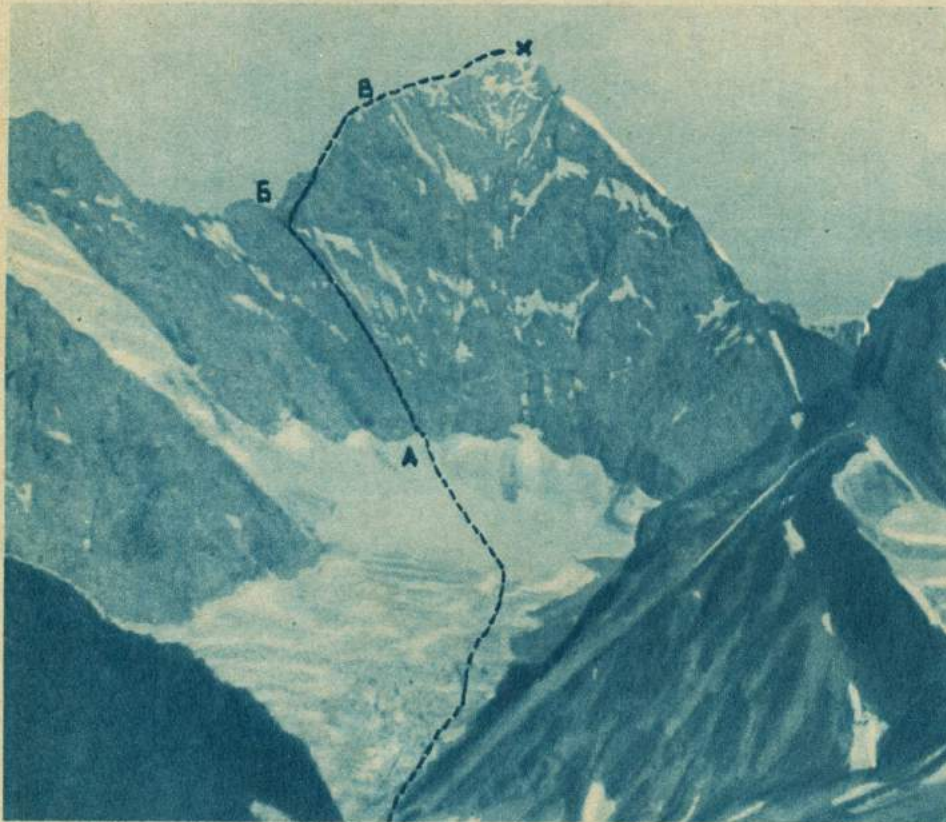
Ужба — это пример восхождения 4-й категории: на протяжении 4 дней все время трудно, предвершинная стенка в 120 м принадлежит к очень трудным и требует высокой скальной техники.

5-я КАТЕГОРИЯ

Северная стена Шхельды (4280 м)

Восхождение сделано П. Заричняком и Ф. Кропфом 14—25 июля 1936 г. и несомненно принадлежит к числу труднейших мировых. Здесь мы приводим сокращенные записки из дневника тов. Кропф.

1-й день подъема. Первую 100-метровую отвесную часть преодолели по конусу, образовавшемуся от сильных лавин. С кону-

Вид на вершину Башиль-тау. Пунктиром показан путь группы т. Делоне

Айлама. Пунктиром показан путь тт. Сасорова и Федорова. Фото В. Семеновского

са попали в крутой лавинный жолоб. Правее жолоба встретили ребро, по которому поднялись на 100 м. Здесь нашли маленькую площадку, на которой могли сесть и позавтракать. Пошел сильный дождь, но мы нашли пещеру в стене, где и заночевали.

2-й день. В 4 часа утра начали подниматься по скалам. Затем перешли на крутой снежный карниз под отвесной скальной стеной. Ее обходили слева до тех пор, пока крутой кулуар не закрыл дальнейший путь. Пришлось пересечь ледяной жолоб. Охраняли крючьями. Пошел дождь и снег. Надо было устраиваться на ночлег. Устроили из камней «скамейку», привязались веревкой и залезли в мешок Здарского. Спать пришлось по очереди.

3-й день. Поднялись только на 60 м, так как погода сильно испортилась. В этот день мы видели большие лавины, они низвергались там, где мы наметили совершить подъем.

4-й день. В 4 часа утра двинулись дальше: Первые 80 м скалы. Затем лавинный жолоб. Его нужно пересечь. Я стоял на охранении под камнем, чтобы укрепиться от лавин. Петро пошел на всю веревку, но ее не хватало, и мне пришлось идти одновременно с ним. Это было опасно, но нельзя было терять ни минуты: сверху начали уже падать камни. Дальше был ряд с виду совсем неприступных стенок. Как мы взяли их, я теперь не могу сказать. Крючья, техника? Нет это было не только техника — это были еще воля и желание достигнуть вершины. Мы услышали грозный предупреждающий свист и грохот, а через несколько секунд лавина сбила нас, и мы повисли на крючьях. Через некоторое время повторилось то же самое. Неожиданно наступила ночь, и мы оказались без места для бивуака. Пришлось спускаться дюльфером на 30 м до ледяного склона. Здесь мы вырубил место для ночлега, и так привязанные, попеременно один — в единственном нашем спальном мешке, а другой в двух штурмовых костюмах, просидели до 4 час. утра.

5-й день. Утром удалось спокойно пролезть кверху еще метров 60, а потом снова нас остановили лавины. Пришлось сидеть под карнизом, через который одна за другой гудели лавины. Вечером мы смогли подняться еще на 40 м. Наступила темнота, и мы остались совершенно без места для бивуака. Вбили в скалу крючья, привязались к ним и провисели так всю ночь.

6-й день. В 3 часа утра начали подниматься на кошках по очень крутому фирну. Сделали траверс. Вбили ряд крючьев, пока не нашли места, где можно было сесть вдвоем немного отдохнуть. Я взял крюк, а Петро двинулся дальше. Вдруг я увидел камень, который летел прямо на меня. Он ударил по лицу. Хлынула кровь. Я вымыл лицо снегом и начал продвигаться дальше, так как место было очень опасное. Хотел приблизиться к Петро, чтобы он сделал мне перевязку, но сделать это не удалось — не было места, где бы можно было сойтись вдвоем. Через 1½ часа Петро меня перевязал, и мы устроились на бивуак. Это была первая ночь, когда наши ноги могли отдохнуть, так как до этого мы не имели возможности лежать.

7-й день. Петро полез выше на разведку, а я начал готовить завтрак, состоявший из горячей воды и трех черносливин на каждого. Через некоторое время оказались на седловине между обеими вершинными башнями Шхельды. В 12 час. дня начали штурм вершины. После 5 дней, проведенных на ледяных и мокрых скальных стенках, вершинная теплая и сухая стенка, хотя и крайне трудная, нам показалась приятной. Мы висели на ней, как мухи, однако, только благодаря хорошему знанию техники смогли ее взять. В 2 ч. 30 м. мы стояли уже на предвершине. Ночь

провели на гребне от 10 см до 1 м ширины; выспались хорошо.

8-й день. Поднялись на главную вершину. Это было 22 июля в 12 час. дня. Погода ухудшалась. Не успели спуститься на 60 м, как началась гроза. Погода окончательно испортилась, пришлось отсиживать 46 час. подряд в 50 м ниже вершины в мешке Здарского. Лишь 24 июля погода немного улучшилась, и мы начали спускаться дюльфером по южной стене к Ужбинскому леднику. Спускались весь этот день и утро следующего дня. Южная стена нам пока-

залась легче северной. Спускались всегда на всю веревку, и точка охранения была поэтому в 80 м. Под конец спускались на кошках по крутому лавинному жолобу и в 11 час. 25 июля мы, наконец, стояли внизу на Ужбинском леднике. Тут только освободились от веревки, которая нас связывала в течение 11 суток подряд.

Скоро спустились к лесу. Ничке встретили двух грузин, которые нас угостили консервами. Вместе с ними мы дошли до сванского селения Мазери.

Вид на Ужбу. Пунктиром показан путь восхождения тт. Васильева и Беркович

Подъем по стене Ужбы. Фото Г. Харлампиева

Шхельда (снято от лагеря Гельфенбейна). Пунктиром показан путь восхождения по северной стене, крестиками — места ночевок

Озеро Рица

Нас было четверо: библиограф Академии наук, я и двое моих сыновей, Андрей 10 лет и Алексей 9 лет — два ужасных сорванца.

Мы начали свое путешествие от Красной Поляны, расположенной в горах в 86 км от Сочи.

В первый день нам предстояло пройти 30 км по горам и лесом.

Было 6 час. вечера, когда мы пришли к первому привалу на Энгельмановой поляне. Кругом расстились свежие, зеленые луга. Вблизи от тропинки стояли заброшенный продолговатый сарай, где зимует колхозный скот, и домик с стеклянными окнами, с широкими кроватями, на которых были набросаны сухие ветки. Из-за леса, несколько отступившего назад, поднимались горные вершины, с яркой зеленой альпийских лугов и черными скалами.

Сумерки быстро наступали, над горами зажглись первые звездочки. Мрак сгущался, и костер наш светился одинокой яркой точкой.

К озеру Кардывач

Всего 18 км до озера Кардывач, но путь показался нам длинным и утомительным. Как только мы вышли из-под защиты прохладного заповедника, солнце начало немилосердно палить. К озеру нужно было свернуть в сторону, мимо колхозной фермы по пастбищам. То и дело попадались нам навстречу равнодушные коровы, которые неохотно уступали дорогу. Трава перешла в почти сплошной бурьян и крапиву. Иногда встречались кусты красной смородины, пунцовые грозди которых утоляли нашу жажду. Ноги часто увязали в болотистой почве. Казалось, что этой противной дороге не будет конца. Но это только казалось. Впереди за горами, покрытыми пихтами, уже чувствовалось присутствие озера.

Чтоб попасть к нему, нужно было вброд перейти очень холодную речку. Бурьян и крапива исчезли. С той стороны, куда мы подошли, берег отлого спускался к самой воде. Плоский берег с левой стороны переходил в крутые обрывы, густо заросшие непроходимой чащей малины. Еще дальше возвышались скалистые берега, выше зеленели альпийские луга, на которых иногда паслись целыми стадами дикие туры, одного из которых Андрей видел через свою

подзорную трубу. Прямо против нас из снежного пятна белой извилистой лентой спускался в озеро водопад. С противоположного берега только глухо доносился шум низвергающейся воды. А направо чернел старый лес.

Вода в озере нестерпимо холодна, я так и не могла окунуться, дети все же ухитрились немного поплавать. На этот раз они мирно играли и деловито сновали по берегу. Андрей отыскал целый корабль с парусом, неизвестно как сюда попавший. Корабль был с изъяном и все время валялся на бок, причиняя юным морякам много хлопот.

Незаметно наступили сумерки. Последние лучи заходящего солнца, позолотив вершины гор, обступивших озеро, погасли. Стало прохладно. Мы перешли поближе к кусту.

Дорога на перевал

Мы снова вернулись к тому месту, откуда накануне свернули к озеру, и продолжали идти к перевалу. Матвей указал рукой на цепь гор, через которые мы должны были перевалить.

Но недолго пришлось нам любоваться бесконечной панорамой горных вершин, в большинстве своем покрытых лесами. Скоро мы нырнули в прохладный мрак лесов. Почва была сырая, и наша обувь промокла и покрылась грязью.

Когда мы, наконец, вышли из леса, широкие альпийские луга раскинулись перед нами свои свежие зеленые ковры.

В 12 час. дня мы уже поднялись на перевал Ахук-дара (высота 2 100 м). С перевала перед нами открылась чудесная панорама бассейнов Бзыби и Мзымты. Слева — гора Аджара, прямо конус Анчо, справа — Ацетукский хребет, переходящий в громады Агенсты. Внизу — светлозеленая поляна реки Аваттары. Сзади — дремучие леса и заповедные земли.

Солнце ярко светило, безоблачное голубое небо точно куполом накрыло нас, и казалось, что скромные только кое-где покрытые снежными пятнами вершины нам улыбались.

Начался спуск по пестревшим незатейливыми цветами веселым лужайкам. Иногда попадались большие кусты рододендронов с мясистыми, глянцевыми темнозелеными листьями. Они уже отцвели. Неожиданно

дорогу преградил нам крутой подъем. Лошадь нехотя карабкалась.

— Последний подъем, — утешает нас проводник.

Мы останавливаемся перед доской, на которой по-русски и по-абхазски написано: «Рицинские заповедники». «Запрещается рубить и портить деревья, воспрещается охота» и т. д. Я невольно оглядываюсь в ту сторону, где таинственно скрывается волшебное озеро Рица.

Лашипсе

Мы вступили в лес. Над нашими головами сомкнулись потерявшиеся в бесконечности вершины пихт. Тропинка сбегала вниз, толстые корни некоторых деревьев то и дело пересекали ее, заставляя внимательно смотреть себе под ноги. Андрей и Алексей что-то не поделили между собой и начали ссориться. Спор прекратился так же неожиданно, как и начался. Они оба сразу заметили двух лесных великанов, которые переплелись в тесном объятии. Ветви бука смешались с ветвями пихты, темная хвоя прикинула к светлой листве и нельзя было понять — соединила ли их любовь или вражда.

Но вот кончился лес, снова зашумела речка. Лесная тропинка сделалась ровной и широкой. Нам стало казаться, что мы гуляем по парку.

Долина реки Аваттары очень живописна. Свежая, зеленая, она окружена горами, покрытыми густыми лесами. Все время вдоль нее бежит тропинка, которая, наконец, приводит нас на поляну Лашипсе, к тому месту, где мы должны ночевать.

Лежа на песке, у истоков речки, я сквозь сон слышу, как около меня возятся малыши. Мне кажется, что они опять ссорятся, и я во сне крикнула им:

— Алеша, Андрюша, перестаньте!

Они стоят надо мной, смеются и угощают малиной, которую набрали, лазая по обрывам. Проводник предлагает снова спуститься к реке и показать то место, откуда начинается тропинка, ведущая прямо на озеро Рица. Завтра на рассвете он оставит нас, и дальше мы должны будем по этой тропе идти одни.

В лесу ночь наступает сразу. Пора зажигать костер и готовить ужин.

Впервые ночью в лесу. Я лежу на спине и смотрю на кусочек неба, который виднеется надо мной. Далеко, далеко между ветками засветилась звездочка. Пихты поднимаются вверх прямые, как стрелы.

В 5 час. утра Ксения Дмитриевна разбудила меня. Растремозили детей, уложили мешки, и проводник проводил нас к реке. Посадив мальчиков на плечи, он перенес обоих через речку, крепко пожал нам руки и пожелал счастливого пути.

„Обезьянья“ тропа

Путь наш шел все время вдоль реки Лашипсе, которая впадает в озеро Рица. Мы вступили на тропу. Она была заросшая, приходилось раздвигать высокий бурьян, роса скоро намочила нашу обувь и платье. В некоторых местах высокие, жесткие

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА ЕСТЬ СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ КАЖДОГО ГРАЖДАНИНА СССР!

Из лозингов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1937 года

Рица

Фото Е. Смирновой

стебли колокольчиков с роскошными кистями бледнолиловых и белых цветов соединялись над нашими головами. Мы продирались сквозь заросли лопуха. Его громадные листья могли соперничать с знаменитой водяной лилией «Виктория». Ноги неуверенно ступали по мокрым и скользким камням. Потом тропинка удалась от реки, и мы вступили в лес. Тропа то поднималась, то опускалась, шум реки то приближался, то совсем терялся. За все 15 километров мы ни разу не вышли из леса.

Дважды теряли тропинку. Жуткое чувство охватывало меня тогда. В первый раз мы были так неосторожны, что потеряли старую тропинку. Во второй раз посадили на ней детей и велели им смирно сидеть. Как испуганные зверьки, сидели они, поджидая нас. А мы, идя по высохшему руслу реки, искали желанные зарубки.

Потом началась обезьянья тропа. Она подняла нас на 250 м над уровнем реки, потом стремительно повела вниз. Название ее достаточно говорит само за себя. Ноги скользили по сухой хвое, и нам ежеминутно грозила опасность скатиться под откос. Дети утомились, но не жаловались.

Но вот началась заросли папоротников, каких я никогда не видала. Они были выше моей головы. Мои мальчики в своих ярких расшитых тибетейках казались мухоморами, и мне приходилось все время следить за ними, чтобы не потерять их из виду.

Дорога спустилась, и Лашиные шумела совсем близко. Показались впереди деревья, похожие на северные ивы. Я чувствовала, что за ними скрывается Рица.

Ночевка у озера

Мне нужно было проявить много решимости, чтобы отправиться с малышами в такое далекое путешествие по местам, совершенно лишенным жилья. Наш уход вызвал на базе много разговоров. Особенно возмущались матери. И я волновалась, приближаясь к озеру, — будут ли вознаграждены в должной мере наши усилия?

Мы стояли у преддверья Рицы; ветви деревьев расступились, и перед нами внезапно сверкнуло озеро.

Как описать его? Как найти слова, чтобы дать понятие об изумрудной глади ее вод? О пихтах, которые, спустившись с высоких вершин гор, вплотную подошли к прозрачному зеленому его водам и, заглянув в них, навсегда застыли зачарованными?

Густыми непроходимыми джунглями, тесным объятием окружили со всех сторон Рицу заповедные великаны пихт и буков, ревниво оберегая замороженные воды ее. Горы, покрытые лесами, отражались в ней, они ревновали свое озеро даже к небу, не давая ему заглянуть в него. Только в одном месте несколько поодаль стояла большая оголенная скала, у подножья своего обросшая сосновым бором. Темно-зеленая хвоя ее резко отличалась от светлой зелени пихт. В этом месте небо торопилось тоже заглянуть в Рицу, отражая в ней голубую синеву свою.

С того места, откуда мы вышли к Рице, не было видно единственного на берегу озера домика. Мы чувствовали себя совершенно одни, отрезанные от мира. Это чув-

В пути на озеро Рица

ство не было тяжелым, окружающая тишина не угнетала, а успокаивала. Нам нужно было разводить костер и кричать, чтобы привлечь к себе внимание обитателей домика. Но нарушить этот торжественный покой не хотелось.

Прежде чем разводить костер, мы решили выкупаться. Дети уже давно разделись и убежали к тому месту, где Лашиные вливалась свои беспокойные воды в невозмутимую гладь Рицы. Выкупалась и я. Вода была теплая, как в море. Глубоко делалось почти сразу. Достаточно было сделать три шага, чтобы погрузиться с головой.

Как зачарованное, стояло озеро. И мне стало казаться, что в глубокой воде Рицы шаловливо прячутся русалки, а в кустах таятся гномы. Такие озера, как Рица, должны были рождать чудесные сказки и легенды.

Рица имеет большое будущее. На месте обвала, где вырос сосновый бор, будет построен великолепный санаторий. Дебри берегов прорежет белая лента шоссе¹, оно пройдет не по самому берегу, а выше. Озеро останется окаймленным своей роскошной зеленой рамкой.

Спустились сумерки, но сырости не чувствовалось. Я лежала на песке, обдумывая, что делать. Дети вдруг устали, оживление их пропало, они начали проситься спать. Я раздула сильнее костер, завернула каждого из мальчиков в простыню (ничего теплого у нас не было) и уложила их спать около костра. Скоро мы все заснули мертвым сном.

Я проснулась от каких-то звуков. Мой слух различил голоса. Вот совсем явственно раздались удары весел. Еще взмах, и высокая мужская фигура соскочила на прибрежный песок. К нам подошли двое мужчин, в руках у одного были ружье и фонарь.

— Кто вы? — спросил он сурово.

— Мы туристы из Красной Поляны.

Оглядев нас еще раз, стараясь проникнуть взглядом в окружающую темноту, которая зияла, как пропасть вокруг нас, он строго спросил.

— Где ваши мужчины?

— Мы без мужчин, — ответила я тихо, чувствуя себя виноватой за то, что посмела обойтись без этой половины рода человеческого.

— Вот что гражданки, — смягчившись, сказал он. — Мы разведем большой костер,

¹ В настоящее время шоссе уже проложено.

а сами пойдем рыбу ловить. Давайте ваши вещи, под открытым небом нехорошо спать, и он, захватив наши рюкзаки и мешки для провизии, двинулся вперед.

Пройдя шагов пятнадцать, мы остановились. Густые ветки деревьев закрыли от нас ночное небо.

— Ну, есть, здесь можно разводить костер.

Огонь долго не хотел разгораться. Дети свернулись калачиком и снова уснули. Трифон и Илья уселись у костра, и мы болтали. Они ждали восхода луны, при луне лучше ловится форель. Илья был страстный рыболов. Трифон рассказал нам, что он полугрузин и полурусский, что он служил на Рице в погранотряде, а когда появилась на озере метеорологическая станция, перешел на гражданскую службу.

— Ну, спите, — прервал неожиданно беседу Трифон, — спите, а нам пора. Илья, снимем куртки, пусть женщины накроются и спят.

Илья без особого энтузиазма скинул куртку. Я с Ксенией Дмитриевной накрыли ею ребят, сами легли на куртку Трифона, закутались в его теплое мягкое одеяло и крепко уснули.

Рица

Проснулись в 6 часов утра. Мальчики высвободили свои сонные мордочки и недоумевающе осматривались кругом.

— Скорее, — кричал нам Трифон, забывая наши вещи и одеяло в лодку.

Там стояло почти полное ведро форелей, наловленных за ночь. Их серебристые тела были усыяны розовыми пятнами, и они скорее напоминали ситец, чем рыбу.

Мы уселись в лодку, озеро было необыкновенно тихо и гладко. Весла погружались в хрустальную воду, оставляя за собой длинный след. Несколько вершин, перехватив первые лучи солнца, загорелись золотом. Мы затихли, пораженные величием утра. На небе задержалась запоздалая луна, ей жаль было расстаться с озером. Лодка выехала на середину его. Зачарованное, оно простирается на четыре с половиной километра в длину и на два километра в ширину.

Из-за мыса показался дом. Он был выстроен из душистых, могучих пихт. На дворе стояли люди. Заметив лодку, все с любопытством уставились на нее. Она удари-

УСИЛИМ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ! ПОКОНЧИМ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕСПЕЧНОСТЬЮ В НАШЕЙ СРЕДЕ!

Из дозунков ЦК ВКП(б) к 1 мая 1937 года

лась о прибрежный песок. Трифон соскочил на берег и помог нам вылезти.

Женщина средних лет в ярком сарафане подошла к нам:

— Вы с Лашинсе? И тащили вещи на себе? С этими малышами?

Ее удивлению не было предела. У ее ног вертелась маленькая собачка с тупой мордочкой и шелковистой шерстью.

— Мы сегодня уезжаем, — продолжила с сожалением женщина, поглаживая собачку. — Прожили 15 дней вместо 10. Невозможно оторваться от этой красоты.

Солнце стояло высоко. Наступил жаркий день. Озеро ослепительно блестело.

Мы пошли купаться. Дети потом догнали нас. Они бежали и облизывались — их угостил Трифон жареной форелью.

Трифон и Илья расшалились, как малые дети, они гонялись за Андреем и Алексеем, а те обнагтели, называли их на «ты», вскакивали им на спину и оглашали озеро, еще никогда не слышавшее детского голоса, отчаянным визгом.

Все полусерьезно, полшутя приглашали ребят остаться. Алеша в недоумении спрашивал меня: «Мама, можно?»

Под вечер мы опять тихо разрезали гладь Рицы. Едем за червячками, так как Илья и Трифон собираются ночью снова удить рыбу. На берегу, откуда выходят на озеро со стороны Гагр, копошатся люди. Илья к этому относится весьма равнодушно.

— Пушай себе сидят, — сказал он. — Мне червячки важнее.

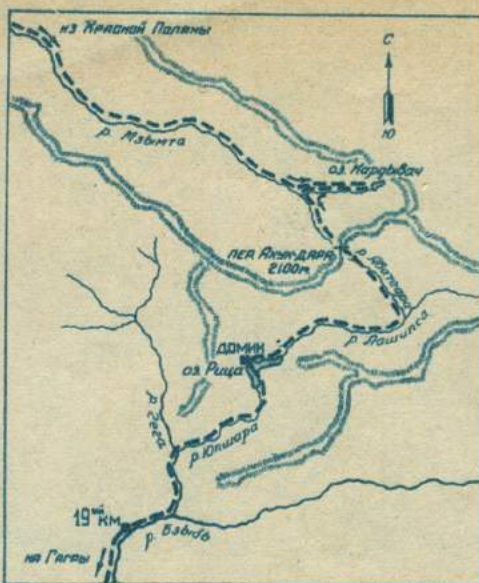
И мы едем к устью реки Псху, куда обычно высаживают туристов, за червячками. Это место мне не нравится. Залив здесь узкий, и вся замечательная перспектива озера скрыта от глаз.

Наконец, червячки собраны. Тихими размеренными взмахами весел незаметно подвигалась лодка. Все ближе и ближе делался берег. Там ждали нас одиннадцать человек.

Туристов встретили не особенно дружелюбно, узнав, что они не имеют разрешения на пребывание в доме. Но все же устроили в палатках недалеко от дома. Детей заведующий заповедником т. Малахов повел в свою комнату.

Встали мы рано утром. Все еще спали. Сели на скамейку, поджидая из-за мыса лодку. Она должна была вернуться с рыбной ловли. Вот она показалась. Я пошла будить ребят. Они крепко спали и ни за что не хотели проснуться.

Ужасно жалко было расставаться с озером. Оно было все так же невозмутимо, все так же манило к себе, все так же свер-

кала его изумрудная поверхность. Лодка кричала к берегу. Трифон вынес наши вещи, пожелал нам счастливого пути.

Юпшара

Юпшара течет довольно бурно, в более спокойных местах она голубеет. Скалы подходят ближе, переходя в ущелье, которое потом суживается и превращается в каньон. С двух сторон поднимается отвесная стена в 200 м вышины, царит прохладный полумрак. Но вот скалы раздвигаются, появляется опять зелень. Тропинка переходит то на одну, то на другую сторону реки. На протяжении 22 км попадают 27 бревенчатых мостиков. Палит немилосердно абхазское солнце, мучает жажда. Лень спускаться к реке. Ксения Дмитриевна привязывает к кружке длинную тесемку, и дети, подлезая под перила, выуживают полкружки воды. Кружка беспомощно раскачивается в воздухе, от полкружки остается только четверть.

Андрей обращает мое внимание на самшит. Стволы их покрыты старым мхом. Мелкие блестящие листики этого ценного дерева дают довольно плохую тень. Растет оно очень медленно. Поэтому встречающиеся нам деревья насчитывают много, много лет.

Идти очень плохо, камни, корни, — корни, камни. Надо внимательно смотреть себе

под ноги. Если хочешь полюбоваться каким-нибудь причудливым поворотом ущелья, благоразумнее остановиться. Я этого не сделала и торчащим корнем глубоко поранила себе ногу.

Юпшара перешла в Гегу, которая течет все спокойнее и спокойнее. Вода приобретает аквамариновый оттенок и по мере приближения к морю голубеет.

Чем ближе мы подходим к 19 км, считая от Бзыби (местечко, расположенное в 24 км от Гагр), тем хуже идти. Здесь проведат шоссе, и хаос набросанных острых камней режет ноги. Над головой рабочие долбят камни и кричат друг другу, предупреждая о нашем подходе. Мы теряемся, не понимая их криков и глупо мечемся. Потом начинаются свистки, звук рожка, предвещающий взрыв. Нас сопровождает беспрерывная канонада.

Наконец, 19-й км — рабочий поселок, расположенный все в том же живописном ущелье. Спокойно течет Бзыбь. Стадо буйволов купается в ее голубоватых водах.

Я нахожу прораба; он с удивлением выслушивает мой рассказ о нашем путешествии и любезно пишет шоферу ордер, предлагая нас отвезти в Гагры. Он извиняется, что может предоставить нам только грузовик.

Подали грузовик, нагруженный аккумуляторами столами самшита желтоватого цвета. Дети, сняв от счастья, быстро карабкаются наверх. Машина срывается с места и несет по новому шоссе.

Я не могу оторвать глаз от прекрасной реки. Говорят, что только в Альпах встречаются такие голубые реки. Мягко несет сильно нагруженная машина. Мальчики уверяют, что машины Союзтранса просто ничто в сравнении с этой.

От сумерок голубеют горы, огни-звездочки загораются в окнах домиков, изредка встречающихся на дороге. Ночь окутывает нас, скрывая от глаз неприглядные окрестности Гагр.

На этом я кончаю свой рассказ. Меня упрекают, что я слишком высокопарными словами описываю Рицу, но пусть они сами там побывают, пусть над их головами сомкнутся папоротники, пусть таинственно зашумят в почную пору вековые пихты, пусть улыбятся им ласково Рипа в ясный солнечный день, пусть они сами увидят одинокий свет фонаря на озере, притаившийся в ночной тишине, пусть они почувствуют этот торжественный покой, эту близость к вечно прекрасной природе. Посмотрим, какими словами они тогда сами заговорят, описывая Рицу.

На велосипедах по Дагестану

(окончание)

шапки, овчины и обувь. К гомону человеческих голосов присоединились крики мулов и ослов, ржание лошадей и блеяние овец и коз. И над всем этим — безоблачное небо и палящее солнце.

В гостях у красного партизана

Где два года назад с трудом проходили с вьюками ослы, проложена сейчас замечательная автомобильная дорога, выходящая вдоль берега Андийского Койсу. Мы быстро катим по ней между садов и посевов кукурузы. Вот кончились посевы, и дорога круто пошла вверх в узкое и дикое сланцевое ущелье.

Голые скалы опять сменялись садами, в зелени которых прятался дома сел. Агвали, раскинувшегося более чем на километр вдоль узкого ущелья.

Разыскали нашего дорожника знакомого председателя местного совета Осавнахи-ма, дом которого стоит высоко над гремящим потоком. На ночлег расположились на крыше соседнего дома. Под шум потока быстро заснули...

Час езды от Агвали, и наше внимание привлекла стоявшая на излучине реки деревянная арка с красным флагом. Под ней был врыт в землю боченок, наполненный холодной родниковой водой, рядом висела кружка; над ней надпись на русском и аварском языках:

«Хутор красного партизана Зубанра Магомаева просит всех прохожих граждан обращаться, если в чем-либо нуждаются».

Так как мы ни в чем не нуждались, то и хотели ехать дальше. Но хозяин хутора, выйдя нам навстречу, стал приглашать в гости. Он плохо говорил по-русски, и переводчиком нам служил провожающий нас осавнахимовец.

Вход в дом несколько необычен и напоминал ворота крепости. По приставной лестнице мы спустились во двор, под оглушительный лай собаки, рвавшейся с цепи. Дом, как и все дома в Дагестане, состоял из двух половин; в одной жила семья хозяина и другая — для гостей, кунацкая. В ней собраны вещи, которые являются показателем зажиточности: ковры, оружие, большое количество медных кувшинов, блюд разных размеров и деревянной резной утвари.

Хозяин уже стар, но еще бодр. На груди у него сверкал значок «ворошиловского стрелка». У Магомаева интересное прошлое. Убив какого-то царского чиновника, он вынужден был скрываться в горах. После

Октябрьской социалистической революции он встретился с тов. М. Дахадаевым. Это предредило его участие в борьбе с белыми бандами.

В 1924 г. он получил небольшой участок «земли» и на бесплодной каменистой площадке разбил большой виноградник, насадил фруктовый сад, посеял кукурузу, ячмень, посадил картофель. Прибрежную часть площадки Магомаев укрепил от размывов часто посаженными деревьями.

Так на бесплодной каменистой площадке вырос культурный хутор, имеющий большое агитационное значение в этом скотоводческом районе. Для всех приусадебных участков он служит живым примером организации культурного хозяйства.

Когда мы разговаривали с Магомаевым, в кунацкую вошла хозяйка, молодая женщина, и поставила на стол блюдо с маслом, чуреком, сыром и кувшин с чаем. Магомаев выжидающе посмотрел на нее, потом тихо сказал ей несколько слов. Она смущенно обошла нас всех, каждому пожимая руку.

— Никак не причу ее к русским обычаям, — объяснил он нам.

После чая мы предложили гостеприимному хозяину сфотографироваться. Он пришел в восторг. Засняв Магомаева, мы, напутствуемые его пожеланиями счастливой дороги, тронулись в путь.

У истоков р. Цхенис-Цхали (Кавказ)

Фото Ф. Соловьева

Порог „Падун“ на р. Водле

Карбас

В КРАЮ ГРА

Очерк Н. Покровского

Когда солнце пылающим пурпурным диском скрылось за горизонтом, далекий лес подернулся синеватым тюлем сумерок и привыкшее за день к зною тело зябко ощущает вечернюю прохладу, невольно начинаешь скучать по привычному уюту тесной палатки, костру, с висящим над ним котелком, и по неприхотливому ложу путешественника.

Но нет... Черева¹ достигла огромного болота в несколько сот квадратных километров, сузилась до размеров небольшого ручья и начала колесить в разные стороны, завиваясь в причудливые петли. Облюбовав себе небольшой тонкий островок, с одиноко стоящим стогом сена, река с упорством безнадежно влюбленного вновь и вновь приводила к нему нашу байдарку. Мы имели возможность любоваться им со всех сторон, почуствовав в конце концов острое отвращение ко всем стогам, какие только есть на белом свете. Однако всему бывает конец, и стог окончательно скрылся от нас, потонув в надвигающейся темноте...

Усиленно налегая на весла, пользуясь оставшимися минутами до наступления безлунной ночи, мы напрасно искали возможного места для ночлега... По обе стороны реки широкая — километра два — полоса болота. Нога в нем сразу проваливается по колено. Дальше — черная стена дремучих лесов.

Перспектива ночевки на воде в байдарке при всех условиях мало привлекательна, особенно же после тяжелого дневного перехода, связанного с перегрузкой с одной реки на другую, возней с разборкой и сборкой байдарки и солидным переходом пешком.

Лучшее в этих случаях — это запастись терпением и постараться найти утешение в том, что несомненно существуют еще более неприятные положения.

На этот раз не пришлось прибегать к испытанному средству; как-то сразу исчезли болота, лес навалился к самому берегу, откуда-то нависли над водой громадные гранитные валуны и плиты. Скоро мы высадились у плотины, преграждавшей течение Черевы. Слегка покатый берег представлял собой монолитный камень, отшлифованный водой и ветрами.

Северный край² кончился, мы на границе Карелии — страны гранита, воды и лесов.

Узкая расщелина между двумя скалами, достаточная, чтобы расположиться вдвоем,

послужила нам приютом. Ярко запылал костер, аппетитно зашипели, поджариваясь на сковородке, ломтики копченой грудинки, и скоро мы уже лежали под одеялами, любуясь ярко мерцавшими над головой звездами и прислушиваясь к глухому шуму недалекого Кинского порога.

Остались позади уже пройденные восемь рек, то мелких и узких, заваленных буреломом и перегороженных упавшими деревьями, то мощных и быстрых. Осталась позади борьба с лесом, осевшим на перекатах и забившим реки на многие километры. Остались позади три пересеченных нашей байдаркой озера.

Впереди — река Водла, со своими свирепыми порогами.

***

Утром мы осмотрели место ночлега. Кругом гранит. Вблизи воды он голый, а вглубь берега — покрытый смешанным лесом. Поразительна приспособляемость растений к жизненным условиям. Деревья, проникая своими корнями в малейшие трещины камней, находят себе питание в тонком слое земли, покрывающем гранитное основание. Сосна около нашего ночлега росла, казалось, прямо из камня.

Быстро переброшена за плотину байдарка. Две с лишним недели пути сильно поубавили ее нагрузку. Вдвое сократились запасы продовольствия, больше половины патрон расстреляна.

С каждым взмахом весел все слышнее и слышнее доносится шум порога. Еще один поворот, и перед нами во всей красе развертывается беспокойная ширь красавицы Водлы.

Образуясь от слияния двух рек — Вама и Сухая Водла, вытекающих из разных мест Водлозера, река Водла является одной из самых порожистых и трудных для плавания рек Карелии. Достаточно сказать, что на протяжении около 120 км от впадения в Водлу Черевы на ней имеется 21 серьезный порог, не считая перекатов или «пуганов», как их называет местное население. «Пуган» это небольшой порожек, который не представляет собою серьезной опасности, а только «пугает».

Исключительный спад воды этого лета, подобного которому не наблюдалось с 1854 года, сделал водлинские пороги еще более трудными.

Вообще техника хождения по порогам и водосбросам на байдарке довольно сложна. За границей, при общем развитии байдарочного спорта и туризма, соответствующие приемы разработаны достаточно под-

робно. Имеются даже специальные учебные кинофильмы, посвященные технике хождения на байдарке и каное по бурным и порожистым рекам. Увы, у нас оп до сих пор не заимствован, и мы учим вслепую, расплачиваясь поломками байдарок и далеко не безопасными купаниями. Кинский порог, первый приветствовавший наше прибытие на Водлу, сразу, как говорится, «ввел в курс дела». Надо представить себе реку, стремительно несущуюся на протяжении почти полутора километра среди разбросанных в беспорядке по руслу исполинских камней, возвышающихся над поверхностью. Вода кипит, как в гигантском котле, разбиваясь фонтанами бриллиантовых брызг о скалы, образуя пенящиеся воронки водоворотов.

Заметить путь в этом поединке воды и гранита — задача нелегкая. Надо признаться, не без некоторого внутреннего трепета мы сели в байдарку, после еще одной и последней попытки заставить фартук послужить своему прямому назначению. Но фабрика ТЭУ ВЦСПС крепко держала свое «знамя»: фартук был уже и корочка кокпита байдарки, края подшиты с точным расчетом» несоответствия к прорезу на фальшбортах. После неудачных попыток использовать фартук он был отправлен на старое место в носовом трюме.

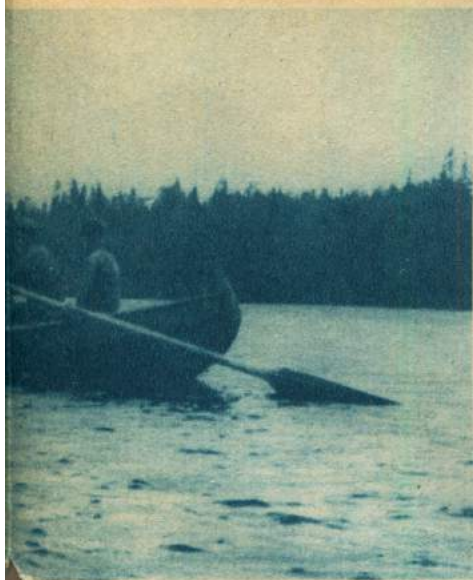
Если первые два порога — «Кинский» и «Пертище» — окрылили нас верой в свои силы, то третий — «Баранья голова» — несколько убавил нашу самоуверенность. Переход через него мог кончиться неприятностью.

У меня есть хороший обычай: никогда не идти в рискованных местах вслепую, на «авось». И в данном случае порог был с берега проанализирован, в памяти запечатлен предстоящий ход лодки. Но, очевидно, не все было рассчитано. Внезапно огромный камень, о который разбивалась вся масса воды и по всем нашим планам долженствующий остаться влево, оказался вправо, и байдарка боком ударилась о него. Раздался звук ломающегося дерева. Звук

¹ Р. Черева, левый приток р. Водлы.
² Теперь область (путешествие происходило летом 1936 г.)

еке Водле

Ночлег на Кен-озере

НИТА И ОЗЕР

Фото Е. Ромашкова

в этих условиях удивительно противный!

В кокпит байдарки скатился поток воды. Нога моего спутника судорожно взметнулась вверх в инстинктивном порыве выброситься на камень. И оказалось, что это движение было самым нужным, ибо ко всему сложному комплексу сил, заправляющих нашу байдарку, прибавилась еще одна; изменившая равнодействующую. Лодка развернулась и, подхваченная струей, была благополучно вынесена на плес.

Два сломанных стрингера и безвозвратно погибший сахар, превративший воду внутри байдарки в сироп, были восприняты нами как особая милость судьбы. К слову говоря, напитав сахаром палубу и добрую половину вещей, мы стали пользоваться исключительным успехом у всех окрестных ос и пчел, гонявшихся за нашей сладкой байдаркой целыми роями.

К вечеру мы добрались до самого большого порога на Водле — «Падуна». Это уже настоящий водопад, где вода обрушивается вниз вертикальным падением. Еще далеко от «Падуны» мы были предупреждены о его существовании глухим басистым ревом, не похожим на шум предшествовавших порогов.

Пройти «Падуны» на нашей байдарке, уже несколько раздерганной долгим путем и, вдобавок, с открытым кокпитом, мы

не рискнули. Мы обнесли байдарку по берегу, благо никаких затруднений это не представило.

«Падуны» считался для лодок непроходимым. Однако этим летом местный старый лодман впервые на удивление всему народу и вопреки всем зловещим предсказаниям разработал и удачно применил на деле метод проводки через «Падуны» «харчевые» — большие крытые лодки, на которых перевозится имущество и продовольствие рабочих, занятых на лесосплаве¹.

Как раз эта операция, дня за два до нашего прихода, производилась с «харчевой» партией сплавщиков, которую мы нагнали немного ниже.

Много хлопот нам доставили водлинские пороги, из которых некоторые приходилось обходить по берегу, но исключительная красота Водлы заставляла забывать все трудности. Такой ни с чем несравнимой дикой прелести, такого изумительного сочетания бурной реки, почти нетронутых девственных лесов и гранитных берегов я нигде еще не встречал.

По берегу недалеко от воды везде пешеходные тропинки, протоптанные поколениями сплавщиков. Видеющиеся по берегам то здесь, то там деревянные кресты — память о жертвах Водлы. Редкая сплавная кампания обходится, несмотря на принимаемые меры, без гибели нескольких человек. Сплав леса вырабатывает в людях исключительную выносливость, хладнокровие, быстроту действий и героизм. Очевидно, есть что-то неудержимо влекущее в этой работе. Мы познакомимся с одним стариком — ему 74 года, но он продолжает каждое лето «бурлачить». Сухой, жилистый, с потемневшим от ветра и воды лицом он кажется таким же крепким и стойким, как гранит здешних мест.

— Привык я к лесу да реке, так и тянет с весны. Да и не охота в старики записываться, — ответил он на наш совет заняться более легкой работой.

Одно плохо на Водле — отсутствие дичи. С сожалением вспоминали мы дни путешествия, когда стаи уток попадались за каждым поворотом

реки, а прибрежные леса изобиловали теревами и рябчиками.

Водла — последний этап нашего маршрута по рекам и озерам Северной области и Карелии. Последний — и самый сложный.

***

К большой дер. Подпорожье — конечному пункту байдарочного перехода — мы приехали как раз во время для того, чтобы услышать второй гудок отходящего парохода и убедиться, что между нами и пристанью расположена громадная запань, через которую на байдарке не проберешься. Сутки потеряны. Мы использовали их для отдыха, поднявшись вверх по реке и раскинув последний лагерь в нескольких километрах от Подпорожья.

***

Онежское озеро — это целое море. Пароход идет по компасу, и в какую сторону ни взглянешь — всюду одна безбрежная водная поверхность. Бури на озере бывают не шуточные, и в осенние штормы пароходам частенько приходится отставаться у пристаней, ожидая пока не успокоится разбушевавшаяся стихия.

Изумительно ясное и прозрачное утро. Так обидно порой бывает, что не находишь у себя слов для того, чтобы передать настроение окружающей картины, все нежные, меняющиеся переливы красок воды и неба и чувство удивительного покоя и умиротворенности. Стоишь, смотришь и стараешься как можно больше впитать в себя впечатлений. Впитать и запомнить, пока не анализируя ощущений, с тем чтобы когда-нибудь извлечь их наружу и вновь пережить чудесные минуты.

В розовой дымке утра показывается на горизонте берег. В бинокль уже можно различить строения Петрозаводска. Как стройные лебеди, слегка вздрагивая от свежего ветерка, красуются на рейде два учебных парусных судна. На палубах их еще не видно ни души.

Все ближе и ближе берег и город. И чувство покоя уступает место тревожным мыслям о предстоящей выгрузке, о том, как добраться до вокзала, как попасть на поезд.

¹ «Харча», отсюда название «харчевня».

Прибайкальской Тайгой

(Окончание. См. ММ 3 и 4)

Очерк Н. Жолковского

Фото В. Михалева и Н. Жолковского

22 августа наша экспедиция (на Байкале нас иначе не называли) выходит из Онгурен на Лену.

Ведет нас Бугусей — проводник-бурят. Путь наш лежит через хребет. Перевалив через него, мы выйдем на р. Чанчур и вдоль нее спустимся до пос. Чанчур, лежащего уже на р. Лене. Сроки у нас точно распланы. Мы уже не на Байкале, мы на твердой земле и поэтому планируем точно: завтра днем мы в Чанчуре, 26-го в Иркутске и 1 сентября в Москве.

Тайга

Выходим в два часа дня. Приятно шагать по твердой земле, в сопровождении выючных лошадей. Байкал ярко сверкает на солнце. Справа на горизонте видна вытянутая лиловая линейка Ольхона. Левее подымается синяя громада Святого Носа. А еще левее, уже на этом берегу, красуются покрытые снегом гольцы Байкальского хребта: кажется, что Байкал еще никогда не был так прекрасен, и нам грустно, быть может навсегда, расстаться с ним.

Дорога вначале идет долиной реки по ее правому склону. Затем сворачивает и начинает подыматься все выше и выше. Вот она выбралась уже высоко на гору, и мы идем над долиной.

Наконец, перевал взят, и мы начинаем спускаться вниз. Долгое время идем в темноте. Попадаем в болото. Пристаем к Бугусею, скоро ли дойдем до какой-либо речки, чтобы остановиться на ночлег. Наконец, Бугусей с философским спокойствием сообщает, что дорогу он потерял и где вода, он не знает. Приходится останавливаться на ночевку прямо на болоте. Льет дождь, лошадей кормить нечем: отдаем им 4 кг хлеба.

23 августа. Идем хорошей дорогой — горы, прекрасный лес, некоторые места напоминают нам Подмосковье. Много голубики. Встречаются гари — мертвые леса. К вечеру подходим к реке. Это Чанчур. Лошадей переводим вброд, сами переходим через завалы. В тайге, где есть охотники-эвенки, через все ручейки и речки, лежащие на их охотничьих путях, есть переходы: с берега на берег повалены деревья, по ним можно перебираться с одной стороны на другую. Если есть такой завал, значит где-то поблизости есть тропа. Но эти тропы для нас невидимы — их распознают хорошо только эвенки и несколько хуже — буряты.

Переправляемся через Чанчур. Вперед поляны, горы и лес тесно обступили ее. Двое русских косят сено. Беседуем. Оказывается, мы всего только на 20 км отошли от Онгурен, до Лены же еще не менее 40.

Что за чепуха? За двадцать с лишним ходовых часов пройти всего только 20 км! Но дело объясняется просто: Бугусей повел нас «зимником». «Зимник» — круговая дорога. Она идет болотистыми падами, зимой по ней можно ездить даже на санях. Летом же надо идти по склонам гор. «Летник» — короче и, главное, суше.

Уже поздно, идти дальше нет смысла. Кипятим чай, варим не то обед, не то ужин. Бугусей куда-то исчез и не отзывается. Наконец, мы его отыскиваем, зовем есть, он отказывается: он чувствует себя виноватым.

Через заваль

25 августа. Ночью пропали лошади, и мы опять застреваем. Поиски лошадей продолжаются часа два. Мы без толку бродим по тайге, ничего не видя и ничего не понимая в ней. Наконец, Бугусей приводит лошадей, и наш караван пускается в дальнейший путь. С трудом двигаемся вперед. Дорога очень тяжелая: все время идем болотом.

По болоту можно идти почти не замочив ног, пока нет усталости. Но стоит только утомиться, как с кочки соскальзывает нога и проваливается в воду. Уставшее внимание плохо выбирает путь, а мокрую ногу уже не очень-то бережешь, и она все чаще и чаще срывается. Тогда терять уже нечего, и ничто не мешает шлепать по болоту по колени в воде.

С Бугусеем у нас отношения лирические. Вчера он окончательно покорила наши сердца: вел вброд через реку, завел в болото, остановился и, ни на кого не глядя, спросил: «Куда девался дорога?»

Это было сказано совсем просто, примерно так, как если бы кто-нибудь из нас в Москве случайно попал не в тот переулок.

Бугусей бесподобен: его вечные Засыхи (каждая речка для него Засыха) и вечные 35 км (и вчера, и сегодня, и завтра, и всегда), оставшиеся до Ченчура, заставили нас, наконец, полюбить его.

Последние 3 км особенно мучительны. Бугусею ничего — он на лошади, мы же еле двигаемся, идя часто по пояс в воде.

И вдруг совсем неожиданно — «крупным планом» — перед нами Чанчур.

Чанчур

Чанчур — последний поселок на Лене, выше селений нет, выше можно встретить только охотников-эвенков и плотовщиков, вяжущих плоты для сплава. В Чанчуре живут русские и эвенки.

Эвенки — охотники. Время непрерывной кочевки отошло в область далекого прошлого. Сейчас эвенки большую часть года проводят зимой на зимниках, а летом на летниках. Кочуют они и внутри своего двора. Рядом с сибирскими таежными, русского типа, избами стоят остроконечные корьевые юрты. Весною, как только становится теплее, они перебираются из жаркой избы с русской печью в рядом стоящую юрту.

В Чанчур мы пришли в самый разгар сенокоса. Это единственное время лета, когда в Чанчуре можно застать эвенков. Всю весну, лето и осень они проводят выше в горах, где охотятся на диких оленей, изюбров, коз и, главным образом, на белку. Охотятся они, если придется, и на медведей. Из птиц бьют глухарей, рябчиков, уток и гусей. Выше по Лене, километрах в 60, в долине реки Панкуч расположены их стойбища, где женщины и дети пасут летом оленей. По окончании сенокоса мужчины поднимаются вверх по Лене, забирают оленей и идут на осенний промысел на гольцы

к берегам Байкала. Поздно осенью, когда выпадает глубокий снег, охотники возвращаются обратно в Чанчур, по дороге забрав женщин и детей. Олений же оставляют в долине реки Панкуу, где окружающие горы и непроходимые снега образуют естественный загон.

Вечером с темнотой беседуем с вернувшимся с сенокоса всеми уважаемым стариком-эвенком Петром Ивановичем (у эвенков имена русские: единственное, что сохранилось от навязанного им церковью православия). Русское население занимается в Чанчуре земледелием, рыбной ловлей, охотой и сплавом леса и карбасостроением. Карбас — большой досчатый грубо-сколоченный пятиугольный ящик. Карбас очень тяжел и неповоротлив на ходу. Поднимает он до сорока тонн груза. Сгоняют его вниз опытные лодманы. Иногда соединяют два карбаса вместе, тогда шестиугольный сцепок управляется двумя веслами-бревнами, как плот: на носу и на корме. Внизу в Качуге или в Жигалово нагружают товаром и буксируют дальше вниз по Лене пароходами.

В тот же день покупаем лодку. Конечно, можно было бы плыть с попутным плотом или карбасом, но мы торопимся: на лодке быстрее. И очень уж она привлекательна: длинная, узкая, ширина меньше метра, борта низенькие — сантиметров 15, словом, длинный узкий челнок, как раз на троих с вещами. Никогда на таком не ездили. Тем более стоит поехать!

Дорога не такая уж длинная: всего каких-нибудь 120 км. На такой реке, как Лена, это максимум полтора дня, а то, может, и в один пролетим!

Поздно вечером насчет беседуем с лодманом; расспрашиваем, как и какими протоками надо идти: Лена не везде проходима. Записываем сначала Дудовскую, затем Лисвяжскую, затем правой, опять правой, левой, правой, опять левой... и так без конца до самого Качуга. «Гладко писано в бумаге», только как это будем узнавать, где Дудовская, где Лисвяжская, где Кодоганская. Ведь это не Москва с ее светофорами и надписями на перекрестках: переходим здесь!

Хотя бы карта была приличная, но такой в природе не существует. Чувствуется, что едем на-авось, однако, отступать поздно: да, откровенно говоря, и не хочется.

Авария

26 августа. Еще не начало светать, как мы уже на ногах. Быстро снаряжаемся и часов в 8 утра садимся в наш челнок. Последние напутствия, трогательное прощание с Бугусеем, и мы отталкиваемся от берега.

Лодка не очень-то слушается нас; управлять ею трудно, так как она длинная. Все же мы осваиваемся с ней и чем дальше, тем лучше. Идем быстро, все время по струе. На перекатах река несет с громадной скоростью. Нужна точность, ее у нас нехватает. Иногда лодка пытается стать боком, мы ее выправляем. И все же в рискованных местах неслучайно нашего экипажа дает себя знать. Впрочем, мы настроены вполне благодушно и начинаем даже закусывать.

Берега низкие, таежные, много бурелома: пейзаж восхищает своей северной ширью, мощью.

Через 50 минут входим в Дудовскую протоку: нам говорили, что войдем в нее через час, значит идем хорошо — по расписанию. Все уверены, что сегодня же будем в Качуге!

Следующая протока Лисвяжская.

Впереди шумит река и видны белые гребешки. Смело идем напрямик. Какая-то протока уходит направо. Делаем попытку войти в нее, но это безнадежно. Река и мы с ней вместе с бешеной скоростью мчимся вперед.

Там, где белые гребешки — крутой заворот и болтанка.

Наш челнок — борта у нас ни-

зенькие, и лодка сильно грузнет. Пристать невозможно, и нас тащит дальше. Опять заворот, мы стремительно нагибаемся, чтобы нависшими деревьями нас не выбросило из лодки. Лодка несетя боком, еле-еле ее выправляем. Впереди завал, нас несет прямо на него.

Чувствую, что не пройдем. Совершенно инстинктивно перед самым завалом поворачиваю нос лодки на него, чтобы не ударило боком. Лодка плавно въезжает на скрытое под водой бревно. Ее мгновенно заливают с кормы, она сразу же тонет, я по груди оказываюсь в ледяной воде.

Володу я вижу уже на завале, передо мной мелькает двустволка, машинально ловлю в воде белую панамку и зачем-то напяливаю ее себе на голову.

Не проронив ни слова, в полном молчании, как будто бы мы делаем вполне обычное для нас дело, — точными и размеренными движениями вылавливаем вещи, которые силой течения выпирает вверх и выкидывает их на завал.

От завала до берега метров 5—6. Держась за ветки поваленного дерева — по стволу, через который бьет вода, перебираемся туда.

Разводим костер, развешиваем по деревьям все вещи. На деревьях же развешиваем наши деньги. И так как мы все еще сохраняем чувство юмора, то у нас на одном дереве висят тридцатки, на втором двадцатки, на третьем червонцы. Затем идут деревья с менее крупными купюрами: пяттерсами, тройками, рублями. Немного согревшись у костра, раздеваемся и лезем на завал и в воду, чтобы каким-либо образом поднять лодку. Изобретаем самые различные способы: тащим веревками, пытаемся приподнять рычагом — все напрас-

но, каждая новая попытка кончается только тем, что кто-либо из нас летит вниз.

„Робинзоны“

Четырехчасовая борьба кончилась нашим поражением: мы бесконечно утомлены, удручены и с горечью признаемся, что с лодкой все кончено: напором воды ей уже оторвало часть борта, сама она, прижатая водой к бревну, как бы приросла к нему.

Решаем, что прежде всего нужно выяснить — на острове мы или на «материке». Пускаемся в путь, идем вниз по течению вдоль берега. Вскоре берег заворачивает, и мы упираемся в протоку. За нею виднеется стрелка и широкий поток, сливающийся с нашим руслом. Итак, мы на острове. Положение не из блестящих. Хорошо еще, если наш остров выходит на проезжее русло реки, а если нет...

Продукты у нас почти все погибли, хлеб намок, да и осталось его меньше, чем на день, спасено одно ружье, но как на зло патроны все утонули. И что самое скверное, утонули топоры, — а это значит, что мы лишены возможности сколотить плот и самостоятельно выбраться с острова.

Делаем попытку переплыть поток; раздеваемся, входим по пояс в воду — вода еще холоднее, чем в Байкале. Совершенно закончившие выбираемся обратно на берег.

Обследование местности ничего веселого нам не приносит. Лена здесь разбивается на несколько рукавов, и сколько еще островов нас отделяет от основного берега — определить невозможно. Приближается вечер. Решаем вернуться за вещами и перенести их на эту сторону острова: нам кажется, что именно здесь лежит проезжее русло Лены.

Обратно идем знакомой протокой, но почему-то попадаем не к вещам, а на то самое место, где собираемся разбить новый лагерь.

Мы удивлены и начинаем наш путь снова. Идти трудно, усталость сказывается все сильнее и сильнее, часто падаем.

Сквозь деревья виднеется просвет. Выходим к Лене. Что за чорт, почему она течет в обратную сторону?

Оглядываемся — мы опять у того же места.

Пытаемся сообразить где же наши вещи, опять идем, смотрим на солнце, вернее на светлую полоску неба, так как солнце уже зашло за деревья. Компаса нет — потерян во время попытки переплыть на другой берег.

Завалы на реке Чанчур

шли сюда в первый раз, идем вдоль берега — это не малый кусок. Начинает темнеть. Холодно. Идем с палками, без них уже идти не можем.

На этот раз протока почему-то не «выблачивается», а становится все шире и шире. Мы удивлены, но все же идем вперед. Наконец, мы выходим на Лену. — Вот проток! —

...без нас водит, видно, да кружит по сторонам.

Мы опять на том же самом месте!

Больше попыток найти старый лагерь мы не предпринимаем: стало темно, мы совершенно обессилены. Разжигаем костер, готовим на ночь бурелом. Костер жожом всю ночь по очереди. И все же очень холодно. Зажечь второй костер — не хватает сил. Лежим, прижавшись друг к другу, положение рисуется... вернее сказать, впереди ничего не рисуется: все сроки сорваны, а мы находимся от Качуга, по существу, еще дальше, чем были вчера в Чанчуре. Правда, из Чанчура через 2 дня должен выйти карбас, ну, а если он пройдет другой протокой?

Глубокой ночью слышим где-то далеко колокольчик и лай собак.

Вскакиваем, прислушиваемся: звуки все явственней. Кричим:

— Алло! Алло!

Потом соображаем, что наше дурацкое

привыкли к нему: идя по тайге, чтобы не терять друг друга, мы часто перекликались:

— Алло?

— Алло!

Скоро лай собак и звук колокольчика утихают.

Чуть свет, еще в густом тумане. Подымаемся. Рисуем на песке схему острова и проток. Анализируем наше вчерашнее «хождение по мукам» и приходим к выводу, что на острове две сходящихся конусом протоки, вот почему мы все время и путались. Кстати, в заднем кармане у Володи находится «утраченный» вчера компас.

Идем по компасу. Днем все так ясно, все на месте: вот одна протока, вот другая. Идем вперед, строго держась заданного курса. Спустя полчаса выходим на противоположный берег Лены. Сегодня она течет туда, куда ей полагается. А вот и наши вещи. Наконец-то!

Собираем вещи, чтобы пуститься в обратный путь — теперь уже на северо-восток, к оставленному товарищу. Свисток, еще свисток, и мы слышим голос нашего третьего спутника. Через несколько минут он появляется, с ним еще кто-то.

Оказывается, лоцман Жданов еще вчера слышал нас, но решил, что это пристал к острову бурятский карбас. Сегодня же на всякий случай пошел проверить, в чем дело.

если самим удастся спастись. Мы смотрим на kloкочущую вокруг завала воду, и нам самим становится страшно: действительно, как это мы выбрались целы из этого омута.

Оказывается, мы попали в так называемую «волчью дыру», абсолютно непроходимую протоку. Жданов рассказывает, что всякий раз, как плот, лодку или карбас затягивает в «дыру», ему приходится ехать на остров снимать людей, так как без аварии дело не обходится. Гибель всех вещей — это правило, но бывали случаи, что тонули и люди. Если в «дыру» затягивает опытного лоцмана, то он выкидывает плот или карбас на берег перед болтанкой. По привычке Жданов предлагает нам составить акт об аварии: ему это часто приходится делать. «Самое плохое место на Лене», заканчивает он.

Конец путешествия

На этом наше самостоятельное путешествие и кончается. Дальше вниз по Лене спускаемся на попутном плоту. Здесь мы только пассажиры и лишь иногда в особо опасных местах — гребцы. Плот ведет опытный лоцман.

Кажется, что сама вода без всяких усилий с его стороны управляет плотом. И все же при прохождении Когодонской протоки плот едва не разбило. Его с силой ударило о берег и стало заливать водой. Но опытная рука лоцмана виртуозно выводит плот из опасного места. Гребцы и пассажиры уже готовы прыгать — кто на берег, кто в воду — восторженно аплодируют его мастерству.

Позднее лоцман рассказывал, что он уже прощался с плотом и решил про себя, что придется нам еще раз купаться в Лене.

К концу путешествия по Лене мы понимаем, что наша авария не случайная и не попали мы в «волчью дыру», все равно нас перевернуло бы где-нибудь в другом месте. Лена серьезная и трудная река и без основательной подготовки ее не пройти. Нужен либо опытный лоцман, либо подробные лоции и карты. У нас не было ни того, ни другого. Исход нашего «смелого» спуска был предрешен еще в Чанчуре, и только наша самоуверенность не остановила нас от этого невыполнимого предприятия.

Впрочем, вина лежит не только на нас: никто толком не предупредил о том, что ждет нас на Лене.

Лена исключительно красивая, интересная, сложная река. Быстрое течение, крутые завороты, завалы, бесконечные протоки и русла делают ее интереснейшим маршрутом для туриста-водника.

Дальнейший спуск по Лене проходит без особых приключений. Правда, наше путешествие на плоту неожиданно прерывается. В селе Бирюльки по поводу благополучного прохода наиболее опасного плеса наш лоцман выливает литр-другой водки, плот в Бирюльках застревает на сутки, и мы пересаживаемся на карбас.

Но, видимо, судьба против нас. Начинается низовой ветер. Карбас прибывает к берегу. А так как наш лоцман приходит в себя раньше, чем утихает ветер, то его плот догоняет и перегоняет карбас.

29 августа кончается наш водный путь, и мы садимся на грузовик. Шофер очень любезен и через залитое дождем поле подъезжает к нашей хате. Но, увы, машина буксует, и мы добрых два часа возимся с досками, домкратами, цепями, лопатами, вытаскивая грузовик на дорогу.

После 16 часа езды с перевала открылась широкая панорама. Перед нами Иркутск и Ангара. Еще полчаса, и мы в городе. В городе лето и тепло. В Иркутске разбираем замоченные пластинки. Большинство негативов поггло.

На другой день выезжаем в Москву пламенными патриотами Лены, тайги и Байкала, одних из красивейших мест нашей прекрасной социалистической родины.

Лена около села Бирюльки

Переход через р. Чанчур

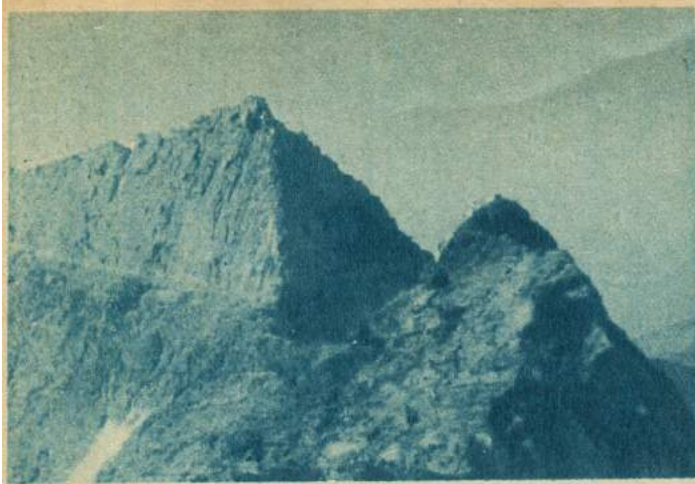

В прибайкальской тайге

Фото В. Михалева и К. Жолковского

Вершина горы „1 780 м“

Один из отрогов Исследовательского кряжа

В СЕРДЦЕ УРАЛА

(Окончание. См. №№ 3 и 4)

Очерк Ф. Опарина

Палатки свернуты, лошади навьючены и все готово к выступлению в путь. Старик — проводник местной геолог-разведочной экспедиции — последний раз объясняет дорогу.

— Будьте осторожнее на перевале. Не поломайте ног лошадям, — напутствует он.

Чуть заметная выючная тропа круто взбирается в гору. Через час пути на голый, плоской вершине горы Сура-Из увидели палатки одного из отрядов экспедиции по добыче пьезо-кварца. Высота около тысячи метров. Ни одного кустика. Дрова приходится доставлять снизу выюками. Все время дует ветер. Когда облака спускаются ниже, то палаточный городок скрывается в вязком тумане, и от одной палатки к другой нужно идти ощупью.

Молодой ленинградский геолог показывает нам разработки. Около каждой из них горка кристаллов горного хрусталя, искрящихся на солнце всеми цветами радуги. Правильно ограненные столбики, увенчанные пирамидками, хранятся в трудно доступных тайниках горы Сура-Из. Природная огранка кристаллов так совершенна, что неискушенного человека долго приходится убеждать в естественном происхождении этих безукоризненных граней.

Караван змейкой спускается в долину реки Пеленгече. Около реки твердая галечниковая терраса, но чем дальше, тем долина становится уже. Двигаться приходится по прибрежной полоске, переходящей то на один, то на другой берег. Река превратилась в ручей, и впереди, заслоняя горизонт, встала плотная стена гор, уходящих вершинами в низкие облака. Это главный уральский водораздел.

— Хватит по Европе шататься, пойдемте в Азию! — шутит Костя.

Караван медленно ползет на перевал, входит в густую муть облаков. Ближе к перевалу начался снег. Ветер свистит в ушах, рвет полы обмерзших плащей. Низко согнувшись, упорно шагают с надвинутыми на глаза капюшонами серые фигуры, веда на поводу лошадей.

Перевал. Стрелка альтиметра доползла до деления 1 200. Злой ветер бросает в лицо пригоршни острых, режущих льдинок. Не хочется верить, что сейчас середина августа — самого теплого месяца на Урале.

Перевал круто обрывается в узкую долину, сплошь заполненную каменными осыпями. Это спуск. Первая лошадь осторожно встает на ненадежные камни. Из-под ноги ее вырывается камень и с грохотом, увлекая сотни других, катится вниз. Лошадь испуганно шаркается назад.

— Спускать по одной лошади. Поддерживать выюки с обеих сторон, — распоряжается Филипп.

Лошадь настороженно косится, но послушная поводу, осторожно ступает по камням. Острые кромки выючных ящиков нещадно режут плечи. Из-под ног то и дело вырываются камни. Почти на руках поочередно сводим лошадей на небольшую площадку, за которой спуск становится более пологим.

Смеркается. Караван идет по камням на дне узкой долины. То и дело по цепочке передается предупреждение:

— Берегись! Справа щель!.. Камень неустойчив!..

Медленно движется караван среди каменного хаоса. Свернуть некуда: по бокам громоздятся островерхие вершины, преграждая выход из долины. Впереди идущий пробует каждый камень. Особенно опасны для ног лошадей расщелины, покрытые мягким, пушистым мхом. Устали люди и лошади. Но остановиться на ночлег нельзя: нет ни дров, ни корма для лошадей. А камням, кажется, не будет конца...

Но вот горы немного расступились, и среди каменных полей стали попадаться небольшие клочки травянистого склона. Впереди темнеет лес. Караван ускоряет ход.

В ночной мгле слышатся бодрые звуки марша «Веселые ребята». Песня катится по долине и, перекликаясь с эхом, несется к вершинам угрюмых гор. Забыты усталость и трудность пути.

Через полчаса на берегу горной речки ярко горит костер, озаряя красноватым отблеском ветвистые лиственницы и белые полотнища палаток. На карте отмечаем: «Лагерь № 29».

Пройдена половина трудного пути вдоль хребта. Против лагеря как бы из реки вздымается высокий отрог горы Народная — высочайшей горы Уральского хребта.

* * *

Весь следующий день готовимся к восхождению на горы, ремонтируем обувь и одежду.

Вечером у костра глухо заворчала наша собака Мильтон. В лесу послышался треск, а затем на свет костра вышел человек с карабином за плечами.

— Начальник пьезо-кварцевой экспедиции, — отрекомендовался он.

Наш приход был для него большим сюрпризом. У гостя оказались газеты, правда,

полумесячной давности. В этот вечер особенно ярко горел костер, и газеты переходили из рук в руки. Здесь, в сердце Урала, в сотне с лишним километрах от ближайшего населенного пункта, мы особенно ярко почувствовали бодрую и радостную жизнь своей прекрасной родины.

Ранним утром всех поднял дежурный. Завтрак, недолгие сборы, и все отправляются на штурм высочайших гор Урала. В лагере с лошадьми остались только Василий и Мильтон.

Идем узкой долиной горной речки. Затем поднимаемся на водораздельное плато, в конце которого вздымается первая вершина Исследовательского кряжа — гора Карпинского. Всего лишь несколько лет назад стерто «белое пятно» в этой части Уральского хребта. Здесь был обнаружен большой горный хребет с вершинами, превосходящими по своей высоте все известные до того вершины Урала. Здесь, впервые на Урале, были найдены фирновые ледники. Новый хребет был назван Исследовательским кряжем, а высочайшие вершины Урала — Народная и Карпинского. Но эта часть Урала трудно доступна, и еще не мало загадок таят не только недра, но и поверхность ее.

Ветер разогнал облака, и нашим взорам предстали обе высочайшие вершины Урала. Северная из них — гора Карпинского — острым треугольным пиком поднималась в конце плато, на котором мы стояли. До начала подъема было не больше трех километров.

Горы казались покрытыми инеем. Подошвы их засыпаны камнями. Чем выше, тем серый фон камней становился все светлее, а вершина блистала ослепительной белизной. Но это был не иней, а снег. Из-под него выступали камни, поэтому издали он казался инеем.

Быстро данулись по плато к подножью вершины. Цепляясь за камни, поднимались все выше и выше. Острый гребень. На восток он спускается большой каменной осыпью, а на запад обрывается почти отвесными стенками к ледничку. Камни бороздили на нем длинные полосы, и сюда доносился только приглушенный рокот.

По острому гребню с севера взойли на вершину. Альтиметр показал 1 795 м. На севере сложная, путаная картина горных хребтов и вершин, среди которых мы узнаем много знакомых. На востоке за резким рельефом главного хребта тянется полоса мягких увалов, а за ними безбрежное темнозеленое море леса. Кое-где вздымаются белесые дымки лесных пожаров. На юге горизонт загоразживает массивная гора Народная. На западе все покрыто облаками, и только отдельные островерхие

горы протыкают плотный слой облаков и кажутся плавающими в воздухе.

Быстро складываем тур и помещаем в него бутылку с запиской, посвящающей восхождение памяти умершего президента Академии Наук, имя которого носит эта вершина.

С вершины почти скатились. Рассеянной цепочкой, чтобы вырвавшийся из-под ноги камень не задел кого-нибудь, достигли берега небольшого озера в долине между горами Карпинского и Народной.

Краткое совещание.

— Времени до вечера еще может хватить для восхождения на гору Народную, — говорит Филипп. — Сегодня, в день авиации, ответим гордым соколам нашей родины восхождением на высочайшую точку Урала.

И снова восемь серых фигур упорно карабкаются по камням. Облака спустились ниже и плотным туманом окутали цепочку людей. Ветер беснуется, откидывает капюшоны, заворачивает полы плащей и пытается сорвать в бездну упрямых людей. Но цепкие руки держат крепко. Начался снег. Острые льдинки впииваются в руки, лицо. Нельзя надевать перчатки: можно сорвать, цепляясь за камень.

— Костя! Кажется рудный минерал, — окликает кто-то нашего геолога. Отбитый образец переходит из рук в руки. Галенит — свинцовый минерал. Люди рассыпаются с молотками в руках и терпеливо ищут еще вкрапления галенита. Поиски увенчиваются успехом. В одной из скал находим коренные жилки свинцового минерала в кварцевой породе. Бережно завернуты и уложены образцы, и цепочка людей снова через туман и снег пробивается к вершине.

Наконец, круглые скалы выводят на площадку вершины. Высота 1885 м. Быстро складываем тур. Восхождение посвящаем героям родины — храбрым соколам Чкалову, Байдукову и Белякову.

Камни, снег, ветер, туман. Скорее вниз на изумрудный ковер — темной травы, где греет теплое августовское солнце. Оно появилось неожиданно, как только прошли серую волну облаков. В долине было уже темно. На обратном пути траверсировали скалистый склон, не раз переходили бурную речку, питающуюся снегами высоких гор, и только поздней ночью увидели костер лагеря.

* * *

На другой день распределяли груз и продукты между уходящей в Саранпауль (небольшой поселок на восточном склоне Урала, в 120 км от подножья горы Народной) и остающейся группами. В Саранпауль для пополнения запаса продуктов уходят пять человек с пятью лошадьми. Остальные остаются на хребте. Встреча назначена через десять дней на реке Шугор, километрах в 150 отсюда. Под вечер караван «саранпаульцев» скрылся за поворотом лесной тропинки.

На другой день покинула лагерь оставшая часть группы. После голых скал приятно было идти по чуть заметной тропе, извиляющейся по берегам горной реки в зарослях кустарников и низкорослого леса. Переправившись через реку Народу, стекающую с подножья горы Народной, караван начал подниматься на безлесный увал между Народной и рекой Хобе-Ю. С вершины увала открылся широкий вид на цепь гор Исследовательского кряжа. С севера одиноком стражем стоит гора Карпинского, начиная ряд вершин этого кряжа. На вечернем фоне неба четко вырисовывается острая вершина, похожая на голову хищной птицы, горы Дидковского (высота 1764 м). Южнее трехглавая безымянная вершина, а еще дальше, сливаясь с горизонтом, уходит вдаль зубцы гор.

Уже стемнело, когда по крутому лесистому склону спустились в живописную долину одного из притоков реки Хобе-Ю. Неширокая долина покрыта высокой тра-

вой, а на обоих склонах стоит шетка хвойного леса с красавцами кедрами. Просвет долины упирается в трехглавую вершину. Разбили лагерь.

* * *

Прекрасное августовское утро. Редкие облачка медленно плывут в вышине, не задевая ни один из зубцов гор. Радужными искрами сверкает роса на траве. Сегодня предстоит восхождение на трехглавую вершину. На ней обрывается карта Исследовательского кряжа. Что за этой вершиной?.. Карта молчит...

Поднимаемся по долине ручья. Вскоре он расходится двумя рукавами, обхватывая трехглавую вершину. Идем по увалу между ручьями. Наклонные плато перемежаются каменными обрывами по несколько десятков метров вышиной, наподобие каменной лестницы гигантов, ведущей к подножью горы. Вот и подножье. Отсюда начинается сплошная каменная осыпь, подходящая к самой вершине.

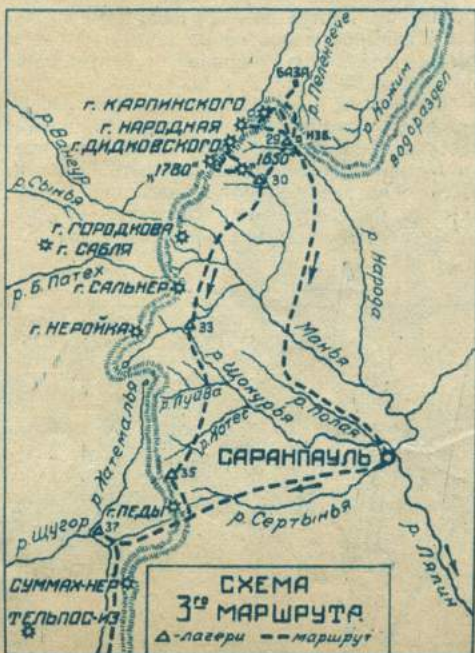
Взошли на вершину. Высота ее по карте 1580 м. С вершины видны знакомые уже очертания гор Народной и Карпинского и тот же вид на восток. Но нас особенно интересует запад — та часть, о которой ничего не говорит карта. На западе, в нескольких километрах, видна гора, заслоняющая горизонт, и по бокам ее плохо видны очертания зубцов какого-то неизвестного горного кряжа. Да и эта трехглавая вершина, на которой мы стоим, является только придатком более высокой горы. К ней ведет острый гребень.

По гребню прошли на следующую вершину, оказавшуюся наивысшей вершиной горы, к которой принадлежит и трехглавая вершина. Альтиметр показал 1650 м. На карте пустое место...

Вид на запад снова загораживает та же гора, что и с трехглавой вершины. Отсюда она ближе, и в бинокль прекрасно видно ее строение. Неизвестная вершина представляет трехгранную пирамиду, отвесно обрывающуюся в нашу сторону. Видны два ребра: одно крутое с севера, другое положе с юга. Глаз невольно сравнивает эту неизвестную вершину с горой Дидковского. Гора Дидковского числится третьей по высоте на Урале, но эта незнакомка кажется выше ее. На глаз трудно судить о высоте.

Взглянули друг на друга, на солнце, и Филипп выразил общую мысль: — Попытаемся!..

Быстро спустились с горы и, миновав небольшое плато, начали подниматься на

гребень, ведущий к подножью пирамидальной вершины неизвестной горы. Гребень полукольцом замкнул большой цирк, в котором, как в берлоге, залег фирновый ледник, тянущийся своими языками к подножью пирамидальной вершины горы-незнакомки. Гребень уходит все выше и выше. Оглядываясь назад, видим, как уползает вниз трехглавая вершина. Вот и вершина «1650 м» оказалась на уровне глаз, а гребень, немного спускаясь, огибает ледник и подходит к отвесному обрыву скал неизвестной вершины. Гребень стал узок. Наклонные слои сланцев круто скатываются вправо и отвесно обрываются влево к леднику. Пользуясь расщелинами, а местами ползком по наклонным слоям, держась руками за вершину гребня, медленно продвигаемся к цели.

Гребень привел к подножью вершины. Сама вершина покрыта пирамидальной шапкой кварцитов, разделенных горизонтальными и вертикальными трещинами на громадные монолиты. Между сланцами и кварцитами идет карниз шириной не более метра.

Подъем на вершину по северному гребню оказался невозможным, так как его прерывали глубокие вертикальные расщелины. Единственный путь на вершину лежал по карнизу, а затем по южному гребню. Над головой двухсотметровая отвесная стена кварцитов. Под ногами отполированные плоскости сланцев и осыпи камней уходят под ледник. Длина карниза около полукилометра. Когда мы прошли его, солнце бросало свои последние лучи. Какая досада! Ни дров, ни воды! Нужно возвращаться в лагерь.

Крепко цепляясь руками за выступы скалы и пробуя ногой каждый камень, медленно спускаемся вниз.

В долину спустились в конце ледника. Почувствовали усталость и сильную жажду. Всю ночь колесили в запутанном лабиринте ущелий и скалистых осыпей. Показались первые лучи солнца, когда мы увидели дымок костра лагеря. В лагерь вернулись усталые и удрученные неудачей.

В этот день решили отдыхать, чтобы на следующий рано утром выйти снова в горы. День оказался долгим. В палатку залезли раньше обыкновенного.

* * *

Небосклон на востоке еще польхал багряным пожаром, когда мы были уже на ногах. Все предвещало хороший день. Быстро позавтракав вышли.

Знакомый путь по гребню и карнизу одолели легко и начали подъем на неизвестную вершину по южному гребню. Он оказался относительно легким. Только громадные монолиты кварцита затрудняли путь. На вершине убедились, что эта гора выше горы Дидковского. Альтиметр показал 1780 м.

С вершины открылся вид на запад, который до сих пор нам преграждали горы Исследовательского кряжа или туман. На западе, отделенный глубокой продольной долиной, вытянулся новый неизвестный кряж, вершины которого мы видели плавающими в облаках с горы Карпинского. Сложная цепь причудливых остроконечных гор изрезала горизонт. В глубоких цирках залегли ледники. Мрачные ущелья местами прорывали кряж, и серебряные шточки рек терялись в них. Далеко на горизонте чуть виднелись острые вершины горы Сабля.

— Вот это горы! — восхищенно бросает Костя.

Для достоверного суждения о высоте посещенной горы взошли еще раз на вершину Дидковского. Барометрическая нивелировка подтвердила показанную альтиметром высоту неизвестной горы — 1780 метров.

Мы вторгнулись только в небольшой уголок этой части Урала и увидели, что он ждет еще большой исследовательской работы ученых, альпинистов, туристов.

Юные спелеологи за работой

Еще не стемнело, а костры на привале светили ярко, по-ночному. Мало-помалу рабочие бригады возвращались к бивуаку. Первыми пришли геологи. Оживленно беседуя, ребята расположились вокруг костра и разложили мешочки с глинами, куски известняка и множество окаменелостей. Здесь и кораллы, и раковины «спирифера», и иглы морского ежа. Богатую добычу взяли они сегодня из недр «каменноугольного моря», которое некогда покрывало подмосковные равнины. Затем подошли топографы, неся на плечах самодельные мензулы¹.

И когда совсем стемнело, начали подходить маркшейдеры (топографы, производящие подземную съемку). Им все равно — что день, что ночь. В пещерах всегда темно и приходится работать со свечами.

Вернулась бригада Зиги Маурина, пришел из самой отдаленной пещеры Эрик Малле. Нет лишь бригады Эза. Он взялся выполнить самое трудное задание — произвести съемку пещеры, которая числилась у нас под вторым номером и называлась мокрой, так как в ней вначале надо было идти по шиколотку в грязи.

Мы отправили за Эзом двух ребят. Они возвратились через час один:

— А Валя Эз?

— Не нашли. Ходили по какому-то галлерейам, лазали по

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПЕЩЕР

Очерк и фото А. Пронина

камням, тонули в грязи, кричали, но все напрасно.

Девять часов вечера. Пора возвращаться в Москву. Завтра ребятам надо идти в школы. Забеспокоились не на шутку. Собрали вещи пропавших товарищей и направились к пещере № 2.

От дороги отходит канава. Она расширяется, образуя широкую яму. В глубине ее у самого обрыва зияет узкое отверстие, в которое едва может пролезть человек. Кто-то из ребят крикнул, заглянув в яму. Ответа не последовало. Выделили группу. Ребята один за другим исчезли в яме.

Когда спускаешься в отверстие, вначале приходится висеть на локтях и ощупывать ногами почву. Скользко, с трудом удается стать на ноги. Вход в пещеру круг, низко над спиной свисают каменные глыбы. Приходится ползти на животе.

Постепенно «пол» принимает горизонтальное положение, а «потолок» высоко поднимается; здесь можно выпрямиться во весь рост. Какое это наслаждение после путешествия ползком и на корточках!

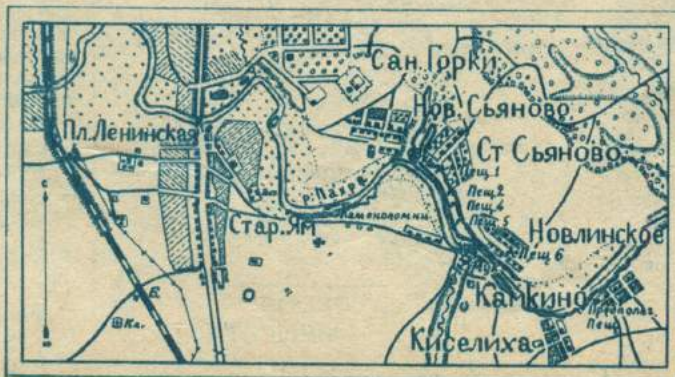
Начинается грязь. Несколько метров, и путь преграждает «гроб» — так назвали ребята большой четырехугольный камень, который лежит в самом узком месте пещеры. Проход возле него очень узок, протиснуться в нем удается с большим трудом.

Одолов все эти препятствия, ребята вошли в небольшую пещеру, заваленную камнями почти до потолка. Взобрались на них и спустились в узкое незаметное отверстие, которое может обнаружить лишь опытный глаз спелеолога².

Теперь перед ними была ровная галлерейя. Как хорошо идти прямо, не наклоняя головы, не думая о грязи, кручах, «гробах», завалах.

Но вот перекресток. Куда идти? Остановились в нерешительности.

Вдруг в глубине первого хода показался слабый свет. Что это? Неужели почудилось? Нет, вот увидели фонарь. Еще мелькнул огонек.

¹ Мензула — инструмент для съемки, представляющий собой столик на треножнике.

² Спелеология — наука о пещерах.

— Эз жив?
— А что вы думаете, умер что ли? — ответил знакомый голос.

— Все целы?
— Ну, конечно.

Ребята радостно пожали руки запоздавшему товарищам. Все вместе направились к выходу.

Дружным «ура» встретили оставшиеся наверху ребята вернувшихся. Ярko вспыхнул магний: на пленке фотоаппарата мы запечатлели этот радостный момент.

— Почему так застряли?

— Съемку делали. Шли незнакомым ходом, он описал круг, и мы вышли на старое место. По плану ошибся на 10 метров. Пришлось распутывать эту «неувязку». Вот и застряли.

— А мы боялись, что вы заблудились.

— Разве можно заблудиться, когда составляешь план?

В этот вечер мы изобрели «огненные часы»: на свечке сделали пометки соответственно тому, насколько она сгорает за четверть часа, полчаса и час. С такой свечой даже без часов можно довольно точно знать, сколько времени находишься под землей.

* * *

Котелки, висевшие над костром, испускали аромат; голодные спелеологи с нетерпением дожидались, когда дежурный повар наполнит их миски супом. Насытившись, разговорились о том, как они нашли целое скопление окаменелостей в пещере № 5.

— В какой части? — спросил Зига Маурин — «хозяин» пещеры.

— Влево от входа.

— Значит очень недалеко, в «колонном зале»?

— И не близко. Надо перебраться через 2 завала и порядочно попетлять.

— Что-то вы пугаете; сразу за входом расположен «колонный зал», от него галерея вправо, потом другой зал, от которого расходятся несколько ходов; а пер-

За варкой обеда

вый «колонный зал» слева весь обвалился и никаких ходов там нет.

— Но ведь мы же были, — возразили геологи.

— Да я-то знаю свою пещеру! Смотри план, — и Зига протянул планшет, к которому была прикреплена свечка и кнопками приколот компас.

С минуту ребята водили пальцами по закапанной стеарином бумажке.

— Ну что, нет же хода! — торжествующе воскликнул Зига.

— На плане нет, а на деле есть.

— Не может этого быть, — вмешался в спор Витя Ермолов. — Я сам с фонарем обошел весь зал, когда Зига визировал.

— Идем в пещеру и увидим, — предložили геологи.

Ребята наскоро напились чаю и спустились в пещеру.

Сразу же во все стороны расходится множество ходов. Зига уверенно сворачивал то в один, то в другой из них.

— Не заблудимся? — спрашивали те, кто не был знаком с этой пещерой.

— Тут и заблудиться негде. Ведь это «колонный зал». Действительно, часть бригады Зиги шла другими ходами. Остальные ребята видели их свечки то справа, то слева. То, что они принимали за ходы, — просто просветы между колоннами.

— Без плана легко заблудиться. Мы раз спасли целую экскурсию, ребята два часа кружили между колоннами думая, что идут прямо, — сказал Зига. — Ну? — задорно добавил он, дойдя до завалов. — Где же ваш ход?

— Этот, — указал вверх Ершов.

— Не вижу.

— Лезь!

Ребята вскарабкались на завал до самого потолка. Дальше путь преградили камни.

Ершов стал передвигаться вдоль завала; через минуту свечка его исчезла. Ребята спотыкаясь направились за ним.

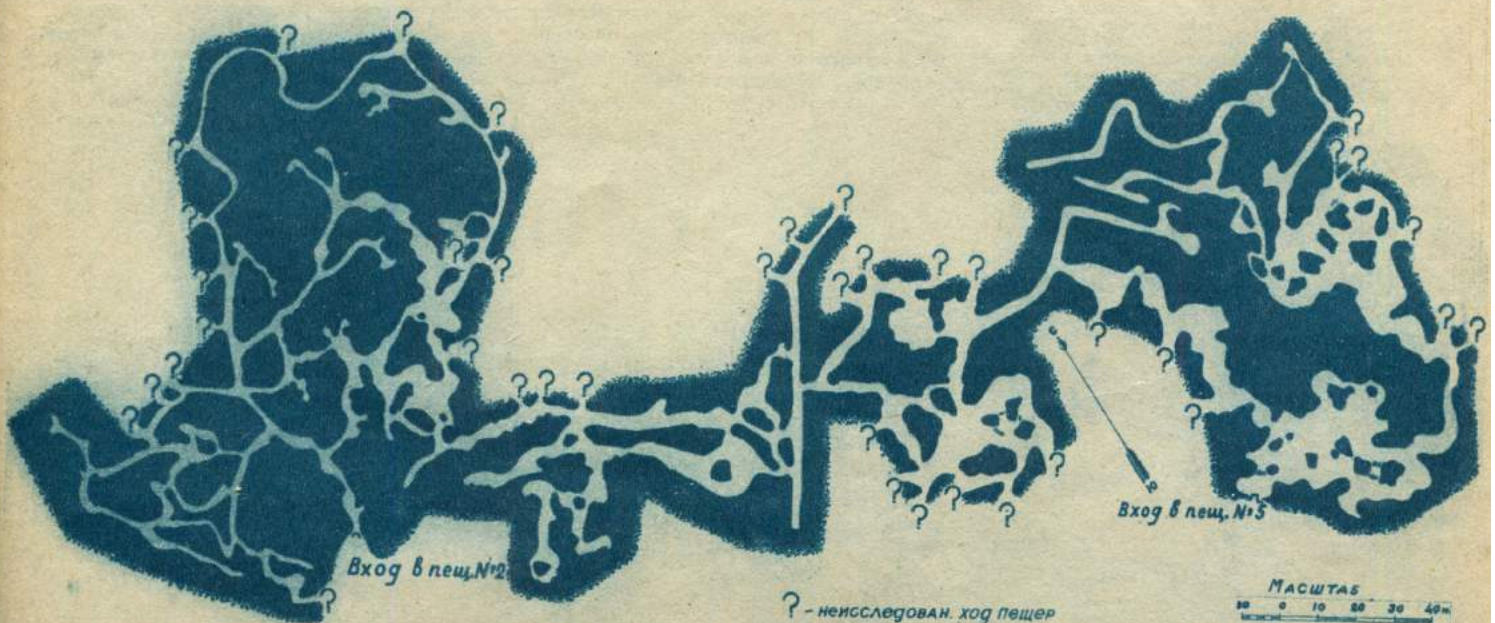
Под самым потолком небольшое отверстие. От него глубоко спускалась каменная осыпь. Где-то далеко сверкала свечка Ершова.

— Да, такой ход немудрено пропустить, — смущенно проговорил Зига.

Шли по высокой галлее. Порой проход загромождали огромные глыбы, свалившиеся с потолка, — приходилось ползти на четвереньках.

— Как мы будем здесь съемку делать? Сплошной камень!

— Ну, мне не привыкать, — успокоил Эз. — В моей пещере сплошь и рядом нет «пола».

План Старосьяновских пещер №№ 2 и 5. Съемку произвели В. Эз и З. Маурин

чем в первой части пещеры.

* * *

Сегодня на сборе было особенно оживленно. Игорь Орлов где-то раскопал старый номер журнала «На суше и на море». Оказывается, об этих пещерах уже писали. В статье даже помещен план одной из них. Но какая это пещера? «Эзова»? «Колонный зал»? Или 6-й номер? — на плане узнать было трудно. Особенно нас заинтересовало то, что на плане указаны два выхода из пещеры.

Только «эзова» пещера может быть соединена с недавно открытой левой частью пещеры № 5.

В статье сказано, что выходы пещер расположены в двух километрах один от другого. Этого не может быть. Очевидно, туристы заблудились и поэтому ошиблись, преувеличили расстояние в десять раз.

Мы решили во что бы то ни стало «пробраться» из одной пещеры в другую. Разработали план: в выходной день Зига с бригадой должен направиться в левую часть своей пещеры, а Эз — в правую часть своей. На всех поворотах ребята должны оставлять бумажки с особыми знаками. Янин — помощник Зиги — заготовил их целую пачку с изображениями стрелы, а Эз — с изображением кружка. Это для того, чтобы отличить знаки одной группы от знаков другой¹.

Эз, Михеев и Шура Климов двигались не торопясь. Даже проходя по знакомым местам, они часто останавливались, чтобы проверить план и поправить неточности. Володя Михеев тащил психрометр Августа, которым измерял температуру и влажность. В сентябре, когда солнце сильно грело, в пещере было прохладно. Теперь, когда на привале мы жались к костру, чтобы согреться, в пещерах было тепло и тем теплее, чем дальше уходили от входа. Володя Михеев намеревался провести работу по изучению климата пещер.

Эз решительно остановился на том месте, где он накануне кончил съемку, а Климов с рулеткой — на повороте. Михеев держал свечу, а Эз прикрепил планшет к палкештативу и «целился» линейкой на свечку Климова.

— Сколько?

— Восемь и три десятых метра, — ответил Климов. Эз положил расстояние по масштабу, оставил кружок с номерами и двинулся дальше. Шура Климов перешел на его место.

¹ Обычно туристы, чтобы не заблудиться, оставляют бумажки, которые только путают других. Единственный правильный прием — оставлять какие бы то ни было знаки, указывающие всегда выход. Такие знаки полезны для всех, а не только для тех, кто их делает.

шель.

— Разведай-ка Михайкин, что там, — сказал бригадир.

— Галерея, да какая прямая, — послышался через минуту голос малыша из-за завала. Эз установил планшет посреди хода. Сверил с компасом.

— Справа он упрется в берег. Наверное там завал — проверь-ка, Шура! Действительно, скоро галерея привела к глиняной куче.

— Эх, покопать бы и вышли бы на свет! — А, может быть, здесь был обвал, и это тот ход, которым вышли туристы, писавшие в журнале?

— Все может быть. Надо взять правее, чтобы идти на соединение с пещерой № 5. Еще несколько десятков шагов, — вправо отходил коридор.

— Сюда!

Эз стал наносить его на план.

— Ребята, бумажка!

В этой части пещеры — бумажка редкость. Мало кто отваживается заходить так далеко.

— Да ведь это Янин!

— Ур-а-а!

Ребята радостно смеялись, жали друг другу руки. Приятно было сознавать, что проход найден и не случайно, а на основании правильно составленного плана.

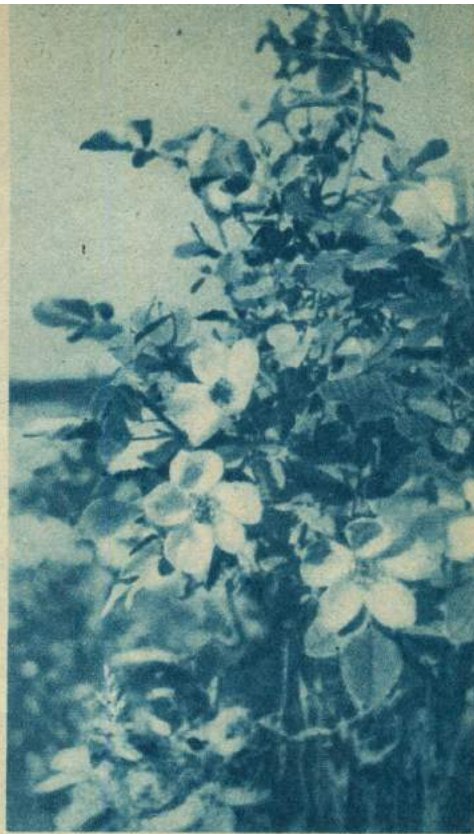
На бумажке — цифра 11 и стрелка. Она указывала выход из пещеры № 5. Ребята шли по галереям, перелезали через камни, а на заворотах бумажки со стрелками указывали путь.

Вот и «колонный зал», они его сразу узнали. Наконец, пролезли в знакомую шель; через минуту над головами сияли звезды.

* * *

Больше 2 месяцев мы изучали Старосьяновские пещеры и часто встречали там таких же, как мы, юных спелеологов. С некоторыми поддерживали постоянную связь. Наша работа еще не закончена. На плане стоят 39 вопросительных знаков у входов в неисследованные галереи. Стены ходов на плане пока еще просто залиты тушью, а надо со временем обозначить, где коренная порода, где забутовки, где завалы. Еще не всюду промерены высоты ходов. Не закончено геологическое и историческое исследование.

Многим туристам наверное тоже захочется познакомиться с подмосковными пещерами, заняться их изучением. Мы будем рады связаться со всеми, кто изучает Старосьяновские пещеры и помочь им в этом. Наш адрес: Москва, 5, Спартаковская площадь, д. 9/1-а. Детский дом культуры Бауманского района, Туристский сектор.

Шиповник

фото М. Еркова

Эдельвейсы и генцианы, сняты в районе Тяньшанской геофизической обсерватории (3872 м). Фото Е. Сочеванова

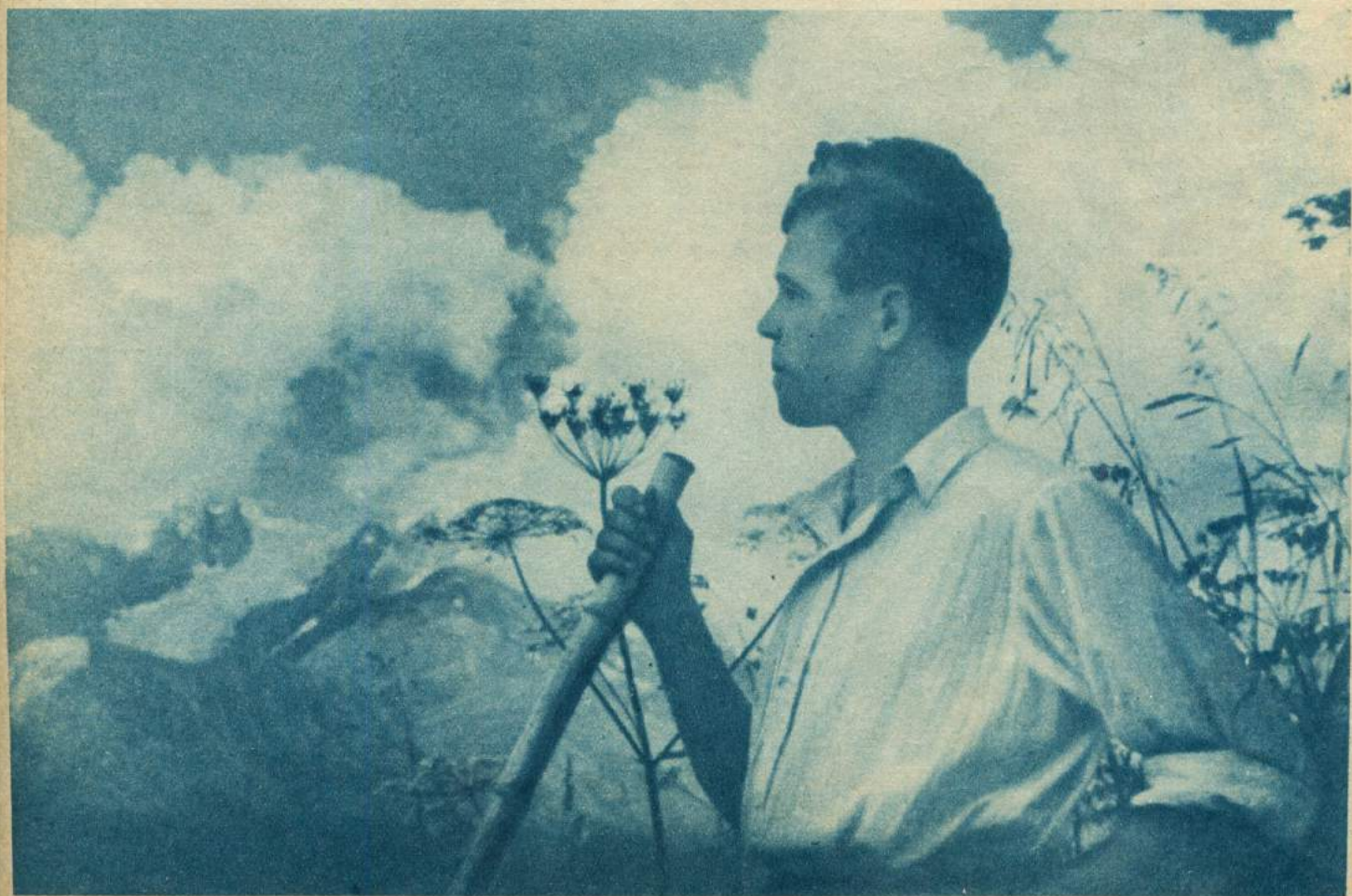

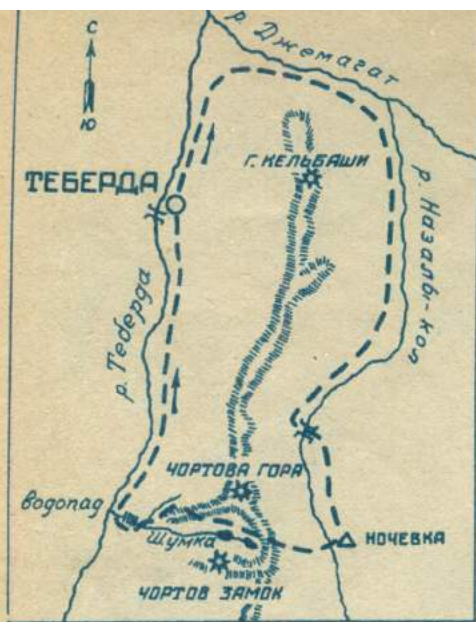

Крым, Артек. Пассажирский катер „Заря“. Фото М. Колобаева

В горах Кавказа. Фото Союзфото

ШУМСКОЕ УЩЕЛЬЕ

Приехавшие в Теберду туристы для первого маршрута обычно избирают водопад на р. Шумке. В 5—6 км от Теберды небольшая речушка Шумка падает с каменного уступа высотой в 15 м, образуя Шумский водопад. Отвесный каменный уступ преграждает путь в ущелье реки.

Замкнутое с четырех сторон дикое ущелье Шумки благодаря своей полной обособленности стало естественным заповедником. Здесь можно встретить и туров и медведей. Скот не может пройти в это ущелье. Невытоптанная трава в верховьях его высока и густа, а через кустарник и девственный лес можно пробраться с трудом. С севера в ущелье спускаются крутые склоны «Чортовой горы»; с юга обрываются отвесные стены «Чортова замка» и его хребта; с востока поднимается Назалыколский хребет. Выход из ущелья, прегражденный уступом Шумского водопада, находится на западе.

Путь к водопаду лежит сначала по Домбайской дороге (5 км), и затем следует 20-минутный подъем в гору. Проникнуть в ущелье реки можно довольно легко и справа и слева водопада, но интереснее войти в ущелье сверху через перевал Назалыколского хребта. Этот хребет соединяет массив «Чортовой горы» с безымянной вершиной, лежащей на восток от «Чортова замка».

Из Теберды можно выйти в полдень. Желательно иметь с собой выюк, с которым можно было бы отправить на следующее утро обратно палатку и спальные принадлежности, чтобы не таскать лишние вещи через перевал. Путь сначала идет по долине Джемагата, по дороге к Нарзанам, или же по «Обводной канаве» — арыку, протекающему по склону Кель-баш и орошающему все поля Джемагата и курорты Теберды. Этот последний путь гораздо приятнее и короче, но недоступен для выюка. После одного-полтора часов ходьбы попадаешь на тропу, ведущую в ущелье Назалы-кол.

Это очень красивое ущелье. Оно идет сначала прямо на юг (параллельно р. Теберде) и заросло здесь великолепным пихтовым лесом, затем круто поворачивает направо (на запад), упираясь в склоны горы Назалы-бек. В этом месте с юго-востока в р. Назалы-кол впадает крупный приток Оручат, в верховьях которого находятся несколько высокогорных озер. Все время тропа хорошо разработана. Постепенно поднимаясь, тропа подходит ко второму повороту ущелья, которое круто загибается на юг, упираясь в гребень горы Кель-баш.

Здесь очень красивое место: редкий сосновый лес, голубые прозрачные воды р. Назалы-кол, массивный заснеженный тун «Чортовой горы» и уходящий на восток гребень горы Канделяр-Ляр. У поворота ущелья расположены копи (третьи по счету), в которых можно достать великолепные сливки, сметану и айран. От Теберды до этого места около 4 часов ходьбы.

Дорога через мост переходит на правый берег реки и пролегает здесь через сосновый лес и луга. Часа через два турист подойдет к последнему кошу, который стоит на пригорке с одинокой сосной. В этом месте кончается лес. Не доходя до коша, на уютной полянке можно устроиться на ночлег.

Утром надо выйти очень рано, желательно часа в четыре. Прямо против коша имеется мостик через реку и неглубокая долинка, замыкаемая террасой. Еще выше виден сильно изрезанный скалистый гребень, который тянется на юг от «Чортовой горы». Чуть правее долинки видны две седловины в гребне. Севернее правой большой седловины виден скалистый зуб. На эту седловину и надо держать путь. Подъем по крутому травянистому склону нетруден и занимает 2—2½ часа. С перевала открывается прекрасный вид на юг, на Муруд-

жинско-назалыколский горный узел с фирном и ледниками. Совсем близко, замыкая скалистый гребень, высится безымянная вершина, от которой отходит хребет «Чортова замка». По склону этой вершины спускается ледник, питающий реку Шумку. На западе открывается вид на ущелье реки Шумки, на бирюзовые озера и башни «Чортова замка». Ущелье круто спускается в долину реки Теберды, а за ней видны западные боковые хребты с вершинами Большой Хатипары и трапецией горы Хаджибея.

Спуск с перевала в сторону Шумки крут, но нетруден. Надо пройти несколько шагов в направлении «Чортовой горы» и спуститься на карниз, который полого уходит влево и приводит к крупной осыпи. Придерживаясь правых скал, нетрудно спуститься по осыпи к подножию гребня.

Дальше идет самый неприятный участок пути. Колоссальные камни, крупная осыпь и редкие пятна снега покрывают все дно ущелья. В течение трех часов приходится прыгать с камня на камень и пробираться между обломками скал. Наконец, осыпь становится мельче и подводит ко второму Шумскому озеру. Озеро небольшое, лежит среди каменных нагромождений. Цвет его — бирюзовый. Несколько ниже лежит первое озеро. Оно значительно больше и глубже, и цвет его поэтому более густой. Оправа из темных камней особенно оттеняет прекрасный этот цвет. Отвесные черные стены «Чортова замка» спускаются прямо к озеру, отражаясь в его зеркальной глади. Здесь стоит сделать длительную остановку.

Отсюда нетрудно подняться на «Чортову гору» или перевалить восточнее «Чортова замка» в долину Муруджу. Оба Шумских озера служат истоками реки Шумки, которая течет вдоль южного края ущелья, непосредственно под отвесной каменной стеной хребта «Чортова замка».

Выгоднее всего спускаться под правыми скалами ущелья. Спуск очень крут. Сначала идет травянистый склон, затем начинают попадаться кусты рододендрона в рост человека, трава становится выше и гуще.

Вскоре появляются первые березки. Постепенно лес принимает смешанный характер. Ниже лежат хвойные, пихтовые массивы. Надо все время придерживаться правой стороны ущелья, продвигаясь по лесистому склону мысообразного хребта, отделяющего Шумку от ее правого притока. Однако нельзя спускаться по этому хребту до самого места слияния, потому что хребет оканчивается почти отвесной скалистой стеной. Двигаться по хребту надо до тех пор, пока сквозь деревья не будет видна широкая и высокая осыпь, спускающаяся с противоположного склона в ущелье притока Шумки. Отсюда надо спускаться к притоку.

Дальше путь идет вниз по течению притока до впадения его в р. Шумку и затем вдоль самой реки Шумки. Ущелье становится все уже и уже, превращаясь в каньон, из которого Шумка низвергается водопадом. У входа в каньон имеется тур, от которого надо начать подъем влево и, перевалив через седловину, спуститься ниже водопада на тропку, ведущую к Донбайской дороге. Спуск от озера занимает часа четыре. Выше тура посреди Шумки стоит большой камень; на нем имеется неясная надпись и стрелка, указывающая влево вверх. Ни в коем случае не надо здесь подниматься; очень крутой и тяжелый травянистый кулуар приведет отсюда на хребет «Чортова замка».

В. Сочеванов

МАРШРУТ ПО АРМЕНИИ

В Армению можно проникнуть из Азербайджана (со станций Акстафа или Кировабад Закавказских жел. дорог) или из Грузии, от Тбилиси.

Второе горное озеро (Шумское ущелье). Фото И. Павлова

Актафа связана прямым автомобильным сообщением (77 км) с курортом Армении — Дилижаном. Однако маршрут, начатый от Дилижана, оставляет в стороне северную часть Армении, так наз. «Лори», представляющую большой интерес для туристов.

От Кировабада (б. Ганджи) колесные дороги и выючные тропы приводят к озеру Севан. Этот путь длинен (км 120), изнуряет палаящим зноем, занимает не менее 6 дней и проходит, в основном, по территории Азербайджана.

Исходным пунктом самого разнообразного, интересного и всесторонне раскрывающего Армению маршрута является г. Тбилиси.

Тбилиси — Калагеран — 127 км по железной дороге. Остановка на ст. Аллаверды для осмотра широко известных заводов — медеплавильного и меднокупоросного. Интересен также находящийся близ полотна ж. д. Санаинский мост, архитектурный памятник XII века.

Из Калагерана — экскурсия на одну из наиболее значительных электростанций Армении — Дзорагэс (5 км от вокзала). Поселок станции находится у слияния рек Дебет-чай и Дзорагэт, а генераторная станция и головное сооружение — в ущелье Дзорагэта.

Калагеран — Кировакан — около 40 км пешком через Бзовальский перевал (2146 м). Переход совершается за 2 дня, частью по шоссе, выходящему среди лесов и альпийских лугов, частью по сократительным тропам.

Кировакан (б. Карагис) — дачное место, где можно отдохнуть хотя бы день.

Кировакан — Дилижан — 47 км пешком. Дилижан — горно-климатическая станция для туберкулезных больных, расположенная среди соснового леса, которого нет нигде больше в Армении.

Прогулки и вылазки из Дилижана: 1) на гору Маймех (около 2000 м); 2) в сел. Джархех к разработкам «джархехского конгломерата» — ценного облицовочного материала; 3) к источникам Бдан-чай; 4) к горному озеру Парз-лич.

Дилижан — сел. Еленовка (на берегу озера Севан) — 45 км пешком, через Семеновский перевал (2100 м). По пути — ночлег в сел. Семеновка, где организован крупный животноводческий совхоз.

Севан — огромное высокогорное озеро (2000 м над у. м.) необычайной красоты. У его берегов нельзя прожить менее 6 дней.

Прогулки, экскурсии, вылазки: 1) на икhtiологическую станцию в сел. Еленовка, где искусственно выращивается форель; 2) моторной лодкой в дом отдыха писателей Армении, расположенный на единственном островке Севана (разрешение надо получить заранее); 3) к истокам реки Занги; 4) к водопадам Занги (базальтовый каньон); 5) в сел. Цаккунк к развалинам древней гробницы Сурп-Саркис; 6) катером в сел. Надеждино дня на три. От Надеждина начинается «Гюнейское» (солнечное) побережье Севана, где растут, несмотря на большую высоту, плодовые деревья, даже персики и абрикосы. Из Надеждина — к Арданычскому заливу, проходом между склонами Шах-дагского хребта и горой Ада-тапа. Можно совершить восхождение на гору Ада-Тапа. Альпийские дуга по ее склонам поросли пахучими травами.

Еленовка — Ереван — главный город Армении — 68 км автомобилем. Знойная и пыльная дорога проходит по каменистому плоскогорью и мимо возделанных полей. Вдали виден Арагат.

Осмотр Еревана и прогулки по его окрестностям требуют не менее 5 дней. В городе интересны: завод коньячно-винный, консервный, синтетического каучука и плавящего базальта; ковровый комбинат союза кустарных артелей Армении; музеи — народного хозяйства, естественно-исторический, историко-культурный, картинная галерея. Колоритен старый Ереван, порази-телен новый с его прекрасными архитектурными сооружениями, проектировавшимися, главным образом, знаменитым архитектором — академиком Таманяном.

Прогулки, экскурсии и вылазки: 1) в сады предместья Норк; 2) в новые селения трудящихся армян, иммигрировавших из Европы и Америки; 3) автомобилем в г. Вагаршапат — Эчмиадзин, сохранивший богатейшие памятники старинной архитектуры (Эчмиадзин — б. владение католиков Армении, существует с IV века) и исключительную коллекцию древне-армянских рукописей. По пути (за 4 км до Вагаршапата) — раскопки Звартноц, грандиозного храма VII в. и города, существовавшего за много веков до н. э.; 4) в сел. Веды (50 км автобусом), где находятся античные развалины I века Гарни, имеющие мировое значение. Несколько дальше сел. Веды (км 8), в глубоком ущелье — старинные пещерные храмы Кхчгард (X и XIII вв.). Кхчгард поражает грандиозной монументальностью и мрачностью архитектуры, тонкой каменной резьбой отдельных деталей. Эта вылазка займет дня 3, она нелегка, так как пеший путь (при невозможности воспользоваться нерегулярным автомобилем) утомителен, проходит по раскаленным и обнаженным местам. Однако трудности искупаются получаемыми впечатлениями.

Из Еревана возможны два варианта дальнейшего пути: через потухший вулкан Алагез на г. Леникан и по Зангезуру с выходом к ст. Кафан, Закавказской ж. д.

Для любителей горовосхождений и для тех, кому интересно увидеть пережитки пастушеской Армении, познакомиться с бытом кочевников-курдов, рекомендуется путешествие по первому варианту.

Второй вариант проходит по местам, которых не знают туристы. Зангезур — это самая отдаленная юго-восточная окраина Армении. Путешествие по причудливым обнаженным скалам, а затем по дремучим дубовым лесам Зангезура, представляющим редкость в безлесной Армении, увлекательно для каждого туриста, ищущего новых путей.

1 вариант. Ереван — Аштарак — 29 км автобусом. Шоссе проходит среди хлопковых полей и садов, местами по выжженной пустыне. Дальше начинается пеший путь: 1) 15 км в сел. Бюрakan, расположенное на высоте 1475 м, утопающее в садах; 2) 10 км крутого подъема до высоты 2300 м к развалинам средневековой крепости и замка Амперт-Кала (XI—XII вв.); раскопки этого памятника начаты в 1936 г. ленинградским Эрмитажем и Армянским филиалом Академии наук; 3) 10 км — к метеорологической станции на озере Кара-Гель; 4) по ущелью реки Амперт восхождение на южную вершину Алагеза (3900 м). Подъем не требует применения альпинистской техники. Вплоть до метеорологической

станции и даже несколько выше тропа вьется среди альпийских лугов, на которых пасутся отары овец, стада крупного рогатого скота, охраняемые огромными дохматыми овчарками, и раскинуты шалаши кочевников.

С вершины Алагеза — спуск около 30 км на запад, к городу Артик. Артик вырос близ ломок знаменитой туфовой лавы. Этот красивый облицовочный материал широко известен в СССР. Город лежит на железной дороге, по которой можно доехать (26 км) до Леникана, крупного центра текстильной промышленности. В Леникане следует осмотреть также сахарно-свекловичный завод.

II вариант: Ереван — гор. Горис (Герюсы) — 274 км автобусом, 2 дня. Шоссе переваливает через несколько горных хребтов. Его сооружение закончено года 4 назад; еще в 1934 году здесь не было автомобильного сообщения. По всему пути — обнаженные стены скал, горные вершины, причудливое разнообразие разноцветного камня.

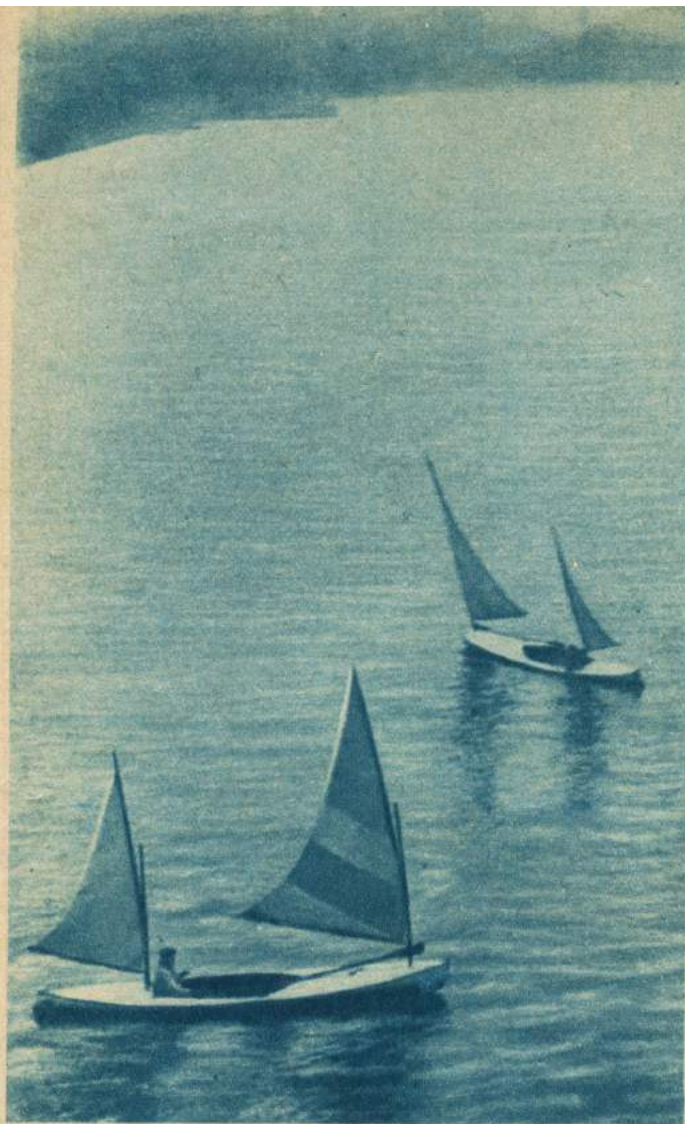
От Гориса проложено новое шоссе к ст. Кафан. Туристам следует идти тропами. В ущельях Зангезура — пещерные жилища, многие из них населены до сих пор. Селения лепятся на кручах. Тропы, общим протяжением около 50 км, минуют редкие селения (Шах-Вердяюр, Рецатумб, Танзавер, Дортни), пересекая реку Базар-чай и Чан-Зими и по реке Эджканан-чай приводят к центру медной промышленности Армении — гор. Кафану.

И. Анитов

Вид на город Горис с Катринских скал

Байдарочки на Москва-реке.

Фото М. Еркова

О ТАДЖИКИСТАНЕ

Таджикистан. Физико-географический очерк. Изд. Академии Наук. 1936. Стр. 398. Цена 18 руб.

Книга представляет собой сборник работ географического отряда Таджико-Памирской экспедиции (ТПЭ) 1932 года. Отряд работал двумя группами — западная под руководством И. С. Щукина, бывшего вместе с тем начальником всей группы, и восточная — под руководством географа Макеева. Западная группа занималась районами Таджикистана, лежащими к западу от течения реки Вахш. В сборник вошли результаты работ этой группы, работы по восточной части Таджикистана (от Вахша до Пянджа и весь Памир) в сборник не вошли. Таким образом, название книги не совсем соответствует содержанию; это, конечно, не уменьшает ее инте-

реса, принимая во внимание, что у нас основательного труда по географии Таджикистана нет.

В общем очерке И. С. Щукин определяет следующим образом географические районы Таджикистана: 1) район пестроцветных низкогорий южного и юго-западного Таджикистана; 2) район Гиссарской равнины; 3) высокогорный район; 4) район Североферганского Таджикистана; 5) район Восточного Памира (в книге не рассматривается). Сборник представляет основательные географические исследования по первым четырем районам, составленные И. С. Щукиным и М. А. Гиляревой. Большое, пожалуй, даже излишне большое внимание уделено Кухистану (высокогорный район, который за последние годы охотно посещается туристами). В материалах можно найти много по-

исследования Кухистана, но и в отношении целого ряда деталей, касающихся расположения кишлаков, путей сообщения и т. д., хотя имеются неточности, например, в отношении перевалов. С точки зрения географической очерки по Северному Таджикистану и Гиссарской долине представляют меньше интереса для туриста, и к ним в большей степени относятся указания редакции (в предисловии), что работа в основном является сводкой литературного материала.

Большим пробелом в работе мы считаем совершенное отсутствие экономических данных о хозяйстве Таджикистана.

Смешно сказать, но на протяжении всех 398 страниц лишь один раз, мельком, в скобках, упомянут Вахшстрой, нет данных о хлопководстве Таджикистана, опущена организация крупных хлопководческих коллективных хозяйств, устройство мощных зерновых совхозов в районе Дангары; читатель не может получить сведений об овцеводстве, шелководстве и садоводстве Горного и Северного Таджикистана. Такое ограничение исключительно природными физико-географическими сведениями при полном забвении человека значительно уменьшает ценность работы. Нельзя говорить с читателем, оторвав свои мысли от нашей жизни и от нашего строительства. Туристы все же извлекут из книги много полезных данных для ориентировки в предстоящем путешествии. Большинство статей снабжено библиографией.

К геологии Зеравшанско-Гиссарской системы. Петрография и минералогия. Изд. Академии Наук СССР. 1935. Стр. 242. Цена 8 р. 50 к.

Книга содержит труды геологов Таджико-Памирской экспедиции в районе Шинк-Магиана (близ Пенджикента). Этот район чрезвычайно интересен в туристическом отношении, именно здесь расположена цепь из семи так называемых Маргузорских озер на р. Шинк. Все статьи, включенные в сборник, носят чисто геологический характер и для тех туристов, которые хотели бы ознакомиться с петрографией и минералогией данного района, имеют особый интерес. Надо сказать, что за последние годы в районе Магиана и Маргузорских озер найдены очень интересные вы-

«Справочник по водным рекам СССР». Т. XVI. Лено-Енисейский район. Вып. 2. Издание ЦУЕГМС. 1936. Ленинград — Москва.

Книга дает описание использования рек и озер Лено-Енисейского бассейна: водные пути и водный транспорт, гидроэнергетические ресурсы, водоснабжение, мелиорация, ихтиофауна, рыбные промыслы и т. д.

Выпуск содержит в себе данные, наименее интересные для туриста, так как не включает сведений по рельефу и геологическому строению района, климату, гидрологической изучен-

накомление с которыми принесет большую пользу туристам, совершающим путешествие в этом районе. В этом отношении сборник даст много ценного материала туристам.

Зеравшан. Верховья Зеравшана и Фан-Дарьи. Труды ледниковых экспедиций. Выпуск 3. Ленинград. 1936. Стр. 415. Цена 15 руб.

Работы Таджико-Памирской экспедиции за последние десять лет значительно осветили географию и геоморфологию всего бассейна Зеравшана. Рецензируемый сборник является сводкой работ Зеравшанской экспедиции ГГИ и Комитета по проведению Второго международного полярного года; в сборник включены статьи, имеющие лишь косвенное отношение к высотам обледенения Гиссаро-Зеравшанской системы, что не уменьшает интереса к книге, а увеличивает его. В частности, одной из наиболее интересных статей является статья П. Ф. Домрачева — «Исследование озера Искандеркуль в гидрогеологическом и рыбохозяйственном отношении».

Искандеркуль привлекает к себе все большее внимание наших туристов, и ежегодно увеличивается число самостоятельных групп, посещающих это живописнейшее высокогорное озеро и окрестные хребты. Работа Домрачева касается истории возникновения озера, его теперешнего состояния и гидрохимии рек озерного бассейна. Очень интересной также является статья Коновалова — «Краткий очерк о работе на Зеравшанском леднике в 1932 г.».

Каждому, кто имеет в виду посетить верховья Зеравшана и побывать на Зеравшанском леднике, необходимо ознакомиться с этой статьей, которая даст представление о состоянии ледника, послужит материалом для разработки маршрута. Статьи Киреева — «Общее описание работ экспедиции» и «Предварительный гидрогеологический очерк бассейна реки Ягноб» содержат важные данные относительно гидрологии южных склонов Зеравшанского хребта и северных склонов Гиссарского.

Тому, кто собирается в район Гиссаро-Зеравшана, мы рекомендуем ознакомиться с сборником «Зеравшан». Каждая статья сборника снабжена довольно полной библиографией по отдельным вопросам.

Ю. Гернерос

ности, характеристике водных бассейнов, что явилось содержанием первого выпуска XVI тома.

Однако и из второго выпуска турист может почерпнуть кое-какой важный для себя материал в части протяженности рек, скорости течения, описания отдельных участков, навигационных особенностей и т. д.

Для любителей рыболовов большую ценность представит 6 раздел «Рыбные промыслы», достаточно полно освещающий вопросы ихтиофауны, рыбного и звериного промысла и при меняющихся орудий рыбного

лова.
Н. П.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АЛЬПИНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

С 13 по 16 апреля проходил пленум Альпинистской секции бюро физкультуры ВЦСПС. Пленум, совместно с приглашенным альпинистским активом периферии и Москвы, обсудил итоги своей работы за 1936 год и план мероприятий на 1937 год. Были заслушаны и обсуждены доклады о снаряжении (зам. директора ТЭУ ВЦСПС т. Яшина), о спасательной работе в горах (т. Заречья) и о работе школ альпинизма (т. Абалакова В.).

Первое, на что обратили внимание участники пленума, это на неподготовленность президиума Альпинистской секции к проведению самого пленума, крайнюю неорганизованность, обычно не присущую альпинистам. Делегатам пленума первые дни не был роздан обещанный материал, не был утвержден регламент работ, не была организована намеченная к пленуму выставка, был допущен ряд ошибок в самом ведении заседаний. Эта неорганизованность ярко характеризует всю работу секции.

Мало самокритичный доклад председателя секции тов. Семеновского о работе секции и вся работа секции подверглась большой заслуженной критике, особенно со стороны представителей мест. Выступавшие с большим недовольством отмечали, что президиум секции, увлекшись только своими централизованными мероприятиями, совершенно забыл руководство местными секциями и не оказывал им ни организационной, ни методической помощи.

Большим и положительным мероприятием секции присутствующими отмечалось проведение инструкторской школы и альпиниады. Вся же остальную работу секции нельзя назвать даже удовлетворительной (как это пытались сделать отдельные ее руководители). Работа по альпинизму на местах организационно не оформлена, не объединена и в ряде случаев развывается с неправильными установками (чрезмерное увлечение массовыми альпиниадами, своими лагерями, заданиями «взять обязательно вершину» и т. д.).

Альпинизмом сейчас занимаются отдельные ЦК союзов, добровольные спортивные общества, совпрофы, отделения ТЭУ ВЦСПС, отдельные секции и комитеты физкультуры. Отрядным явлением нужно считать, возникновение первых альпинистских клубов в Нальчике, Алма-Ате, Тбилиси, но они не имеют поддержки, опыт этих клубов не учитывается. Мало что предпринимается для организации центрального клуба альпинистов в Москве.

Самостоятельно, без должной помощи и контроля, организуются десятки альпинистских лагерей, альпиниад, отдельных школ по альпинизму. Работа эта зачастую организуется неправильно, безответственно, без нужных квалифицированных кадров, методических указаний, без необходимых средств и снаряжения.

Доклад о снаряжении был яркой иллюстрацией беспомощности руководителей. Снаряжение сейчас — самое большое место в развитии массового альпинизма. То, что выпускает ТЭУ ВЦСПС, ни по количеству, ни по качеству ни в какой мере не может удовлетворить запросы альпиниста.

Выступавшие на пленуме альпинисты справедливо указывали на провал работы по снаряжению и на ответственность за этот провал президиума Горной секции ВЦСПС, ограничившегося подачей заявок в ТЭУ. Некоторые альпинистские организации наладили выпуск снаряжения на местах (в Нальчике, Ростове-на-Дону, Москве и т. д.). Но все это проходит кустарно, без средств и помощи со стороны Горной секции ВЦСПС, без обобщения опыта,

использования имеющихся стандартов и т. д.

В этом повинен также Комитет физкультуры и спорта при СНК СССР, удосужившийся организовать при себе секцию по альпинизму только спустя 10 месяцев после постановления правительства о ликвидации ОПГЭ. Центральная секция до сего времени успела рассмотреть только вопрос об экспедициях на Памир, не коснувшись ряда вопросов массового советского альпинизма.

Сейчас по сути дела нет еще действительно единого центра, объединяющего и руководящего всеми вопросами альпинизма, нет организационного и методического руководства, не разрешены вопросы снаряжения, издания литературы, подготовки кадров, проведения единых мероприятий и принципов в вопросах дисциплины, планомерного направления потоков размещения лагерей, проведения альпиниад, школ, единых стандартов снаряжения, норм, тарифов на проводников, вьючного транспорта, единой книжки альпиниста и т. п.

Этим мы, конечно, не хотим сказать, что на альпинистском фронте нет никаких достижений. Альпинизмом занимаются многие. Интересуются им еще больше. Достижения советского альпинизма с каждым годом

растут, и многими из них мы можем по справедливости гордиться: массовостью одновременных восхождений, восхождений на первоклассные вершины, массовостью альпиниад, лагерей, рабочим составом, занимающимся альпинизмом и т. д. Но дело в том, что эти достижения могли бы быть значительно больших размеров.

Ни Комитет по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, ни Бюро физкультуры ВЦСПС не усвоили решений Пленума ЦК ВКП(б), не сделали необходимых выводов из указаний товарища Сталина. Можно подумать, что руководители этих организаций считают, что все вопросы о самокритике, перестройке работы с помощью привлечения масс, использование актива, поставленные на Пленуме, их не касаются. А предложение президиума секции ВЦСПС вывести из пленума т. Покровскую и Череду за то, что сам же президиум не привлек их к работе, говорит за непонимание решений Пленума ЦК партии. Пленум секции и актив на основе решений партии горячо и с большой критикой обсуждали наиболее вопросы альпинизма, потребовав, чтобы руководство учило массы и училось у масс.

И. Кузнецов

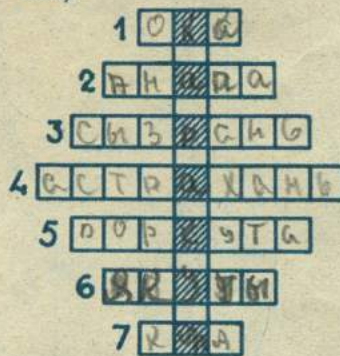

Кроссворд

Эта задача состоит из 8 географических названий СССР. В центральном (вертикальном) столбце нужно написать сверху вниз название пустыни, размещая в каждой клетке по букве. В горизонтальных проставьте следующие названия: 1) река в РСФСР; 2) южный курорт; 3) город на Волге; 4) город на Волге; 5) река за полярным кругом, где открыт и разрабатывается каменный уголь; 6) народность, живущая в Якутской АССР; 7) название величайших залежей железной руды.

Фамилии 10 товарищей, первыми приславшие в редакцию правильные ответы на эту за-

дачу, будут опубликованы в журнале (редакция будет учитывать местожительство читателя).

Где были туристы?

Как-то в редакцию зашли два туриста и поделились своими впечатлениями о путешествиях прошлого лета. Между прочим, один рассказал, что видел ловлю крабов, а другой

показал фотоснимок арабов, приехавших на базар в тот город, где был турист.

Читателю нужно отгадать, в каких местах СССР были эти два туриста?

Ответы на вторую серию географических задач

Рисунок первый: 1) На Байкале; 2) Восточно-Сибирская область и Бурято-Монгольская АССР; 3) Ангара; 4) Комплекс сверхмощных электростанций — «Ангартрой»; 5) Золото, вольфрам, молибден, слюда, уголь и др.

Рисунок второй: 1) Амур; 2) Осень; 3) В Татарский пролив; 4) Еврейская автономная область; 5) Джонки.

Кто набрал больше очков?

В решении второй серии задач «Хорошо ли вы знаете свою страну?» приняли участие 247 чел. Ниже мы публикуем фамилии товарищей, набравших наибольшее количество очков по второй серии (из 10 возможных).

10 очков получили: Филиппов А. (п/о Бырка, Восточно-Сибирская обл.), Сюняев З. (Буинск, Татарская АССР), Галка Г. (г. Дружковка, Донбасс), Петровский Д. (п/о Нежковское, БССР).

9½ очков получили: Федоров Л. (Владивосток), Крылов В. (Барнаул), Карсунцев В. (п/о Прасковья, Орджоникидзевского края), Рыбачек И. (Киев), Горин Е. (Геническ, УССР), Гриневич С. (г. Белгород, Курской обл.).

Отв. редактор Н. В. Крыленко.

Зам. редактора М. Б. Розен.

Отв. секретарь Б. Б. Котельников.

Техн. редактор Л. Ф. Спиридонов.

Уполномоченный Главлита № Б-11083, 4 п. л. 90200 тип. зн. в п. л. Бум. 64¹/₄ × 93. Сдано в набор 16/IV 1937 г. Подп. к печ. 13/V 1937 г. Зак. № 1826. Тираж 40300. Журн. сверст. по макету В. Филиппова. Отпеч. крас. крас. 3-да треста «Полиграф».

ЦЕНА 80 коп.

